

7 ИНТЕРВЬЮ

о научной журналистике

Москва 2016

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор *Е. Л. Вартанова*

7 интервью о научной журналистике: учеб. пособие / сост. и науч.
ред. *А. Н. Гуреева*. – М.: Фак. журн. МГУ, 2016. – 100 с.

В учебном пособии собраны интервью с известными российскими научными журналистами. Опытные профессионалы рассказывают о своей работе, делятся секретами мастерства, дают советы начинающим авторам.

Для студентов, аспирантов, исследователей научных коммуникаций и научных журналистов.

© Гуреева А. Н., сост., 2016
© Факультет журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016

От составителей

Научная журналистика – это журналистика профессионалов высочайшего уровня. Подготовка к интервью с ученым требует от журналиста вовлеченности в материал, владения темой научных исследований, но сам журналистский текст должен быть ясен, доступен и понятен аудитории. Задача не из легких...

Герои этой книги – мэтры российской научной журналистики. У каждого из них свой творческий путь: одни пришли в научную журналистику из узкого научного направления, другие увлеклись наукой, уже состоявшись как журналисты. Но их всех объединяет не только любовь к науке, но и умение писать о ней ярко и интересно, постоянное стремление к познанию мира и желание поделиться этими знаниями с читателем, зрителем, слушателем. Каждый из них сам по себе уникальный собеседник.

Летчик-космонавт, Герой России и профессор факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Юрий Батурин; астрофизик и журналист, главный редактор газеты «Троицкий вариант» Борис Штерн; главный редактор журнала «Химия и жизнь», член Европейской ассоциации научных журналистов Любовь Стрельникова; президент Российской ассоциации научных журналистов, научный обозреватель газеты «Московская правда» Виола Егикова; заместитель главного редактора «Независимой газеты», ответственный редактор приложения «НГ-Наука» Андрей Ваганов; научный журналист, писатель и драматург Владимир Губарев; редактор портала «Научная Россия» Нодар Лахути.

Главное в науке – это стремление постоянно задавать вопросы, искать на них ответы и вновь задавать вопросы. Научная журна-

листика как раз и приучает читателя, слушателя, зрителя к непрерывному поиску ответов на вечные вопросы, которыми задается человек.

Интервью записаны в студенческой студии факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Они также доступны в мультимедийном формате на портале «Лаборатории научной журналистики» – www.sciencemedialab.ru.

Юрий Батурин — профессор факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член-корреспондент Российской академии наук, летчик-космонавт России (выполнил два космических полета: на орбитальный комплекс «Мир» – 1998 г. и на Международную космическую станцию – 2001 г.), Герой России.

Один из создателей (в соавторстве с М. А. Федотовым и В. Л. Энтиным) первого в СССР Закона о свободе печати (1990) и действующего Закона РФ «О средствах массовой информации» (1992).

Колумнист «Комсомольской правды» и постоянный консультант информационно-аналитической программы «Итоги» («1-й канал», 1992–1993), секретарь Союза журналистов России (2008–2016), директор Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН (2010–2015).

Лауреат журналистских премий; премии правительства России в области печатных средств массовой информации (2009).

— **Юрий Михайлович, расскажите, как Вы пришли в научную журналистику.**

— Очень просто. Сначала я стал ученым, и только потом – журналистом. Но я пришел не в научную журналистику, она появилась в поле моего зрения позже. Моя журналистская деятельность охватывает небольшой круг тем, в которых я компетентен, и в их числе – научная журналистика.

— **Как по-Вашему, чем научная журналистика отличается от других тематических видов журналистики?**

— Научная журналистика, прежде всего, коренным образом отличается от журналистики многопрофильной, всеядной, и кроме того, – от журналистики с узкой тематической компетенцией.

И в теории, и в практике журналистики всегда существовала некая состоятельность специализации и универсализации журналиста. Когда я учился и готовился стать журналистом, доминировала тенденция специализации, и я до сих пор считаю ее верной. Специализация означает, что журналист пишет об экономике, либо о политике, либо о спорте или – о науке. И старается узнать в выбранной области все больше и больше. Были журналисты, добивавшиеся в своей специализации таких высот, что министерства приглашали их выступить экспертами по тому или иному вопросу, не подозревая, что у них нет профильного образования.

В последнее время, мне кажется, превалирует тенденция универсализации. Она предполагает, что журналист должен уметь писать обо всем: бросили его на спорт – пишет о спорте, бросили на экономику – значит, об экономике. Обосновывается это тем, что массовый зритель или читатель все равно не разбирается в проблемах, про которые ему рассказывают, а мнением немногих специалистов можно пренебречь.

Да, каждый отдельный журналист может пренебречь немногими специалистами. Но все вместе они пренебрегать специалистами не могут, потому что аудитория – это набор специалистов в разных областях.

Профессионал в какой-то конкретной сфере, когда читает о ней статью в газете, отмечает большое количество ошибок. А журналисты пишут обо всем. Следовательно, все напечатанное в газетах в чем-то неверно. Сегодня многие журналисты лишь приблизительно знают, о чем говорят. Научный журналист себе такого позволить не имеет права, если, конечно, хочет и дальше оставаться научным журналистом.

Конечно, и для специализации, и для универсализации есть аргументы «за» и «против». Специализация хороша, потому что знаешь, о чем пишешь. Плоха – потому что изданию требуется больше журналистов и, соответственно, затраты выше. Универсализация хороша, потому что от журналиста больше проку, плоха – потому что ошибок много. И так далее.

Но меня подобные рассуждения не устраивают. Давайте рассуждать как журналисты, понимающие толк в науке.

Изначально я – физик, и приведенный в качестве примера подход для меня выглядит, скажем, подобно утверждению, что «тепло – это хорошо, а холодно – это плохо». Смотря для чего. Отдыхать и купаться, естественно, лучше, когда тепло, а хранить продукты лучше все же в холодильнике.

С точки зрения физика (и научного журналиста) ситуация выглядит следующим образом.

Если журналист одинаково легко берется писать о светской жизни, науке, спорте, политике и экономике, то он движется к более вероятному, требующему малых затрат, т.е. хуже и хуже организованному состоянию.

И это, между прочим, соответствует закону природы – закону возрастания энтропии, беспорядка. Любая система стремится переходить от упорядоченного, т.е. менее вероятного состояния,

к неупорядоченному, реализуемому большим числом способов, более вероятному состоянию, которое ведет прямым к деградации. Превращая свою информацию с ошибками в массовую, журналист и общество подталкивает к более вероятному состоянию, в сторону дезорганизации.

Чтобы противостоять деградации, требуется напряжение сил и ума. Не у всех хватает упорства, желания работать больше других. И тогда, с удовольствием подчиняясь принципу наименьшего действия, в конце пути журналист приходит к представлению, что может абсолютно все.

Мне такой путь кажется неправильным, хотя и перспективным для каждого отдельного журналиста, потому что со временем он начинает знать все меньше о все большем, пока не достигает идеального состояния – «ничегонезнания» обо всем. С такой позиции, действительно, очень удобно писать, о чем захочешь.

Уже сама постановка вашего вопроса: «Чем отличается научная журналистика от других тематических направлений?», – говорит о том, что вы неявно исходите из того, что специализация, если и не очень популярна среди журналистов, то по крайней мере, не исчезла совсем.

В научной журналистике существует удивительный парадокс: тот, кто *специализируется* на ней, должен быть *универсалом* в науке, что само по себе очень трудно, потому что в науке много всяких областей, направлений и разделов. Скажем, математики, которые занимаются теорией чисел, уже не понимают математиков, которые занимаются, скажем, топологией. У каждой области знания свой язык, свои формы представления, способы доказательства. А если вспомнить, что научному журналисту приходится иметь дело и с математикой, и с химией, и с биологией, и с географией – и всем, чем угодно, то получается, что он должен быть универсалом, хотя любой ученый специализируется так же, как и журналист. И вот в условиях этого парадокса – «быть универсалом среди специалистов» – и приходится работать научному журналисту. Быть пере-

водчиком со всех научных жаргонов и наречий на общепонятный литературный язык. Поле его деятельности необъятно. Чем больше он работает, тем лучше понимает, что живет в мире незнаемого. Пожалуй, больше ни в одной журналистской специализации таких трудных условий нет. Научная журналистика – это вызов, и не каждый журналист в состоянии его принять.

Сейчас в МГУ читаются межфакультетские лекции, и на факультете журналистики тоже, в том числе и по научной журналистике, для студентов других факультетов. Мне приходилось читать эти лекции. Я видел там студентов с разных факультетов, интерес у них большой. Если половина из тех, кто пришел, станет научными журналистами, мы очень скоро обеспечим потребность страны в этой категории журналистов.

— **Как Вы считаете, кому и зачем нужна научная журналистика?**

— Прежде всего, научная журналистика нужна обществу, государству. Научная журналистика нужна науке. Научная журналистика нужна журналистам и журналистике. Научная журналистика нужна студентам и школьникам, хотя бы потому, что научная журналистика повышает общий уровень грамотности людей, и это очень выгодно и обществу, и государству, а также это выгодно и науке, потому что научная журналистика тем самым вовлекает в науку молодежь – школьников, студентов. Это важно обществу и потому, что общество понимает, на что идут налоги, которые платят люди. А кто, кроме научных журналистов объяснит просто и доступно, на что потрачены деньги налогоплательщиков? Таким образом, цель научных журналистов – просвещение аудитории и вовлечение молодежи в науку, а миссия – дать человеку больший выбор занятий, то есть большую свободу.

— **А как изменилась научная журналистика за последние 20 лет?**

— Вас интересуют только двадцать последних лет? (Наверное, для вас это большой срок, сравнимый с продолжительностью вашей жизни). Но это примерно то же самое, что спросить: «Видите, река текла, потом почти пересохла и превратилась в ручеек. Скажите, пожалуйста, каковы перспективы у этого ручейка?» Что ж, оставим образ полноводной реки за рамками разговора, потому что рекой научная журналистика была много ранее. Двадцать лет назад научная журналистика уже стала ручейком. Вот если бы вы спросили про полвека и поболее, там история уже другая. Научная журналистика была очень развита, научно-популярные книги издавались немислимыми сегодня тиражами, практически во всех газетах, на телевидении, на радио были научные программы, потом это все рухнуло. Теперь мы можем поговорить, конечно, о перспективах ручейка: что было два десятилетия назад и что мы видим сейчас. Но констатация довольно грустная: за двадцать лет ручеек научной журналистики стал поуже и помельче. Но зато вокруг него появилось огромное количество околonaучных течений: лженаука, псевдонаука, паранаука и так далее. Околonaучные течения готовы затопить журналистику. Эта тенденция опасна как для научной журналистики, так и для журналистики в целом.

— **Как Вы считаете, есть ли сейчас в современной научной журналистике какие-то проблемы?**

— Сколько угодно! Первая из них: научная журналистика, как мы говорили, давно уже отнюдь не мощный поток популярной информации, в котором каждый может найти интересный для него материал. А главная проблема научной журналистики состоит в том, что государство считает, будто оно обойдется без научной журналистики (что, впрочем, естественно, поскольку оно собирается обходиться и без науки). Существует и множество иных проблем.

Нет отработанной системы подготовки научных журналистов. Много лет на факультете журналистики (не только на нашем факультете, но и в других университетах) существуют курсы научной журналистики. Я сам читал этот курс ряд лет и прекрасно знаю, что большинство студентов приходят только за зачетом. Я обычно ставил зачет автоматом, если студент напишет расписку, что не будет заниматься научной журналистикой и не будет пытаться редактировать тех, кто в науке понимает. У меня дома толстенная папка таких расписок. К сожалению, студенты факультетов журналистики не готовы и не хотят трудиться больше остальных. А без упорной работы, выходящей за пределы учебных программ, стать своим в научной журналистике никак не удастся. Когда объявляешь спецкурс или спецсеминар по научной журналистике, приходит пять-шесть человек с потока.

От науки зависит мощь государства, зависит его безопасность, обороноспособность, зависят его перспективы. Как развивать науку без участия людей, занимающихся научной журналистикой? Именно они вовлекают молодежь в эту сферу деятельности. У страны есть такая потребность. Беда в том, что государство этого пока что не осознает.

Впрочем, я не вижу в этом трагедии: помимо понятного нежелания трудиться сверх необходимого минимума существует и биологическая причина столь малого числа научных журналистов. Психологи установили, что в мире только шесть процентов людей потенциально способны к научной работе (так организован их мозг, мышление). По разным причинам, не все они идут в науку, примерно один процент. Думаю, существует корреляция, в силу которой примерно такой же процент журналистов оказывается способным к научной журналистике. Научная журналистика – это и часть журналистики, и часть науки.

Сделаем грубую оценку. Сегодня в России около пяти миллионов студентов, обучающихся почти в тысяче учебных заведений, государственных и частных, причем в каждом десятом есть факультет или отделение журналистики. Это означает, что в каждом вузе учатся в среднем пять тысяч студентов, из них пятьсот на факультете журналистики, примерно сотня на курсе. Из них шесть процентов потенциально способны к профессии научного журналиста (именно они и приходят по объявлению). Затем половина из них уйдет в пиар, как более доходную область, двое – не захотят напрягать мозг сверхуказанного в программе. Останется один. Этот единственный – как раз Ты! У тебя есть дар. Ты – один из немногих, кто сможет стать хорошим научным журналистом, если, конечно, у тебя есть сила воли, и ты способен достойно справиться с брошенным тебе вызовом. Помни: в жизни очень важно научиться делать что-то лучше других. Сейчас у тебя есть фора – используй ее. Не зарывай свой талант в землю. Трудись.

Я убежден, для того чтобы стать научным журналистом, нужно получить специальность (не журналистскую) и определенный опыт работы, затем начать с того, что знаешь, где работаешь, в чем разбираешься. Вот откуда начинается научный журналист.

Система подготовки научных журналистов на любом факультете журналистики, мне кажется, не очень перспективна. Приходилось мне работать и с магистрантами, которые целенаправленно поступали на научную журналистику, и снова я видел, что напрасно трачу время. Я занятый человек, мне надо выкраивать время на лекции. И вот готовлюсь, прихожу, рассказываю материал, а они свободно могут не прийти или сидят и слушают только для того, чтобы потом сфотографироваться с космонавтом.

Сейчас в МГУ читаются межфакультетские лекции, и на факультете журналистики тоже, в том числе и по научной журналистике, для студентов других факультетов. Мне приходилось читать такие лекции. Я видел там студентов с разных факультетов, интерес у них большой. Если половина из тех, кто пришел, станет на-

учными журналистами, мы очень скоро обеспечим потребность страны в этой категории журналистов. Стремление и интерес к научной журналистике есть, у молодежи в том числе. Но не с факультета журналистики. Такая система мне кажется более правильной. Надо дать ребятам закончить выбранный факультет по своей специальности, дать им возможность поработать, а параллельно можно немножко подучить приемам научной журналистики.

— **А у страны вообще есть потребность в научных журналистах?**

— Конечно, есть. Потому что от науки зависит мощь государства, зависит его безопасность, обороноспособность, зависят его перспективы. Как развивать науку без участия людей, занимающихся научной журналистикой? Именно они вовлекают молодежь в эту сферу деятельности. У страны есть такая потребность. Беда в том, что государство этого пока что не осознает.

— **А кто может стать хорошим научным журналистом? Какие навыки необходимы для этого?**

— Что такое научная журналистика? Это хороший «перевод» с научного языка на общечеловеческий. Поэтому научному журналисту нужны навыки хорошего переводчика. Это означает, что обе стороны, которым он «переводит», и ученые, и читатели, должны оставаться довольны. Такие навыки переводчик может получить только, если он постоянно читает, изучает, интересуется той сферой, в которой он работает, которую он «переводит».

Не всегда возможен перевод дословный, нужны метафоры, образы, следовательно, читать нужно не только научную литературу, но и хорошие художественные произведения, стихи, ходить в картинные галереи, в театр... В. Жуковский сказал, что переводчик в поэзии – соперник автора. Хороший научный журналист становится соперником ученого, то есть поднимается на его уровень.

Попробую ответить на вопрос по-научному. (Вообще-то, когда вы учились в школе, вы прекрасно знали то, что я сейчас скажу, а сейчас сказанное может послужить тестом: если с пятого прочтения студент факультета журналистики поймет, о чем идет речь, то он может стать хорошим научным журналистом. Замечу, что «пятое прочтение» свидетельствует не столько об умственных способностях студента, сколько о его упорстве, что важно с учетом отмеченного ранее).

Главное – ничего не бойтесь, за исключением единственного: как бы не испортить свою журналистскую репутацию.

Строго говоря, вопрос можно переформулировать так: каковы необходимые и достаточные условия того, чтобы X мог считаться хорошим научным журналистом?

P – необходимое условие X , если из X следует P ($X \rightarrow P$). Важнейшее свойство X : журналист должен понимать, о чем пишет.

P – достаточное условие X , если из P следует X ($P \rightarrow X$). Главный признак X : его должен понять неподготовленный читатель при отсутствии нареканий со стороны специалиста.

Необходимое и достаточное условие – это критерий принадлежности к классу научных журналистов. Журналист является научным журналистом тогда и только тогда, когда:

- он понимает, что пишет;
- его понимает неподготовленный читатель;
- отсутствуют нарекания со стороны специалистов.

Проще говоря, научный журналист – классный переводчик с научного, к которому нет претензий ни с какой стороны.

На мой взгляд, хорошим научным журналистом может стать тот, кто:

- имеет образование и опыт практической работы;
- не боится (не ленится) трудиться;
- любит учиться (все время!).

— **Какие сегодня карьерные возможности у научного журналиста?**

— Научный журналист, по определению, способен написать хороший научно-популярный текст. У тех, кто может написать хороший текст, карьерные возможности всегда хорошие. Сейчас, в эпоху «клипового» сознания, не так много людей, способных логически увязывать события, связно и толково излагать свои мысли, поэтому, если можешь написать хороший текст, возможности у тебя будут.

Что касается научного журналиста, к сожалению, сейчас не так много изданий ведут свои страницы, вкладки, приложения по науке. С этой точки зрения, конечно, карьерный выбор не широк для журналиста, специализирующегося на проблемах науки. Но хорошие научно-популярные тексты легко складываются в книги, а хорошие книги живут много дольше газетных статей. Они могут жить и десятилетия, и век-другой.

Что понимать под карьерными возможностями? Один считает карьерой возможность стать главным редактором научного приложения к популярной газете. Действительно, это замечательная карьера и интересное занятие, прекрасная профессия. Ну а другой считает, что много добился, если может удовлетворять свою потребность писать честно и интересно, если его тексты привлекают ученых, если он может публиковать свои материалы в престижных изданиях, а потом собрать все воедино, издать книгу, потом вторую, третью. И остаться в истории науки, в истории журналистики. Разве это не прекрасная карьера?

— **Научному журналисту постоянно приходится общаться с учеными. Есть ли какие-то особенности в общении журналиста и ученого?**

— Прежде всего, ученого не надо бояться, и ученого не надо стесняться. Знайте: все, что начнет говорить ученый, поначалу будет непонятно. Поэтому нужно просить пояснить, спрашивать,

пытаться понять. Обращаться второй, третий раз, просить посмотреть черновой текст, проверить какой-то фрагмент.

Не начинайте работу с ученым в рамках заранее составленной концепции.

Работайте в рамках научной этики. Забудьте и никогда не употребляйте фразу: «Ученые доказали». Все, о чем вы будете писать, сделано учеными, у которых, как и у вас, есть имя и фамилия. Они работают в конкретном институте или университете.

Кроме того, нужно отбросить манеру, присущую многим журналистам, которые, поговорив с человеком и выжав из него необходимую информацию, начисто забывают про него, не пришлют ни газету, ни статью, я уж не говорю о том, чтобы просто сказать: «Спасибо!».

Если журналист хочет иметь хорошую репутацию в научной среде, он должен не только множество раз беспокоить ученого, проверять и перепроверять, спрашивать и переспрашивать, чтобы все правильно уяснить себе. Научный журналист должен уметь принимать критику, анализировать свои ошибки, которые непременно будут. Он должен внедряться в среду учёных, ходить на семинары, на конференции, слушать, задавать вопросы, спрашивать, еще раз спрашивать, потом еще раз спрашивать и стараться добиться, чтобы ученые стали считать тебя своим. Переводчику надо пожить в «языковой» среде. Тогда все будет получаться.

— А должны ли сами ученые как-то пытаться наладить связь с журналистами?

— Я считаю, что если ученый в состоянии написать хороший научно-популярный текст (и при этом ему не нужен переводчик, не нужен научный журналист) – это идеальный случай. Но далеко не все ученые могут писать популярно, понятно для широкой аудитории. При этом ученые, безусловно, нуждаются, чтобы об их работе знали люди, общество, страна, а значит, нуждаются и в научных журналистах, которым они могут доверять. Доверие завоевывается текстами.

Нельзя сказать, что ученые не пытались наладить связи с журналистами. Правда, они, набив себе шишек на интервью (с точки зрения русского языка, ученый – человек, не только обладающий знаниями, но и наученный горьким опытом), небезосновательно боятся, что каждая следующая попытка рассказать журналисту о своей работе, чтобы он написал о ней, закончится тем, что над ним будут смеяться коллеги. Поэтому ученые часто избегают общения с журналистами, именно из-за личного негативного опыта. Но все ученые нуждаются в том, чтобы об их работе рассказывали, и рассказывали хорошо. Как говорится, и хочется, и колется.

– Какие советы Вы можете дать начинающим научным журналистам?

– Уже говорил и повторю еще раз: никогда не произносите и не пишите слов, смысла которых вы не понимаете. Не ленитесь залезать в словари, пусть они лежат у вас на столе, сверяйтесь с ними, многократно проверяйте себя.

Помню, как-то принимал зачет по научной журналистике у студентов. У меня было правило: ответ должен быть коротким, пусть даже в одну фразу, но студент должен понимать смысл каждого слова, которое говорит. Если заподозрю, что человек не понимает значение произнесенного, тогда начинается долгий серьезный разговор, а так можно сдать зачет в течение 30 секунд. И вот один студент решил, что если он употребит какой-то космический термин, то я сразу ему поставлю зачет, и произнес какую-то фразу, в которой было слово «орбита». Я сразу понял, что он не слишком в курсе дела, и спросил: «А что такое орбита?» Студент не смог ответить. У меня, как в телепередаче: хочешь сделать звонок другу или получить помощь зала? – Пожалуйста! А можешь сбегать в библиотеку и посмотреть энциклопедию. Вот он ходил, ходил, через полчаса пришел. «Так что же такое орбита?» – спросил я. Студент задумчиво посмотрел наверх и сказал: «Ну, это где-то там».

Кстати, такой ответ свидетельствует просто о низком образовательном уровне студента. Такого не должно быть.

Любой журналист, тем более занимающийся наукой, должен понимать смысл слов, которые пишет и произносит и, следовательно, должен научиться работать со словарями, проверять себя. Проверять все: даты, имена, термины... Вы удивитесь, как много неправильного окажется в первом варианте вашего текста. Проверяйте даже вроде бы очевидное. Журналистика без проверки – как человеческий организм без иммунной системы. Сведения необходимо уточнять – это азы профессии. Но в наше время что-то изменилось, и в журналистике диагностирован иммунодефицит. Журналист с пониженным профессиональным иммунитетом не может работать научным журналистом.

Хорошим научным журналистом может стать тот, кто:

- имеет образование и опыт практической работы;
- не боится (не ленится) трудиться;
- любит учиться (все время!).

Сегодня значительный сектор журналистики составляют те, кто более не добывает новости, не создает оригинальные материалы, а всего лишь рыскает по Интернету в поисках чужой информации, из которой, как в миксере, сбивает свои публикации. Появился даже термин «чурналистика» (*churnalism*), «миксерная журналистика», суть которой – вторичная переработка чужих непроверенных материалов. Ученый всегда работает с первоисточниками. То же должен делать научный журналист.

Если в вашем лексиконе появились слова «официальная наука» и «независимые эксперты», серьезно подумайте о смене журналистской специализации на более простую – идите, например, в ресторанные критики.

Постарайтесь понять, каким видят мир ученые, в отличие, например, от поэтов. И убедитесь, что в научном ответе не меньше красоты и поэзии, чем в стихах.

Задавайте себе вопросы. В чем смысл работы научного журналиста? Он должен стать немножко ученым, научиться думать как ученый. А ученым всегда движет любознательность. Он ищет ответы на вопросы, которые ставит перед собой. Начните задавать себе вопросы, любые. Тренируйтесь, спрашивайте себя: почему небо голубое? почему река течет извилисто? почему радуга появляется после дождя? Почему снег искрится? Любое явление пытайтесь объяснить, будете ли об этом писать или просто обсуждаете с друзьями, задавайте себе вопросы, а потом спрашивайте и спрашивайте у специалистов.

А самое главное – ничего не бойтесь, за исключением единственного: как бы не испортить свою журналистскую репутацию. Вот и все.

Андрей Ваганов – заместитель главного редактора «Независимой газеты», ответственный редактор приложения «НГ-Наука». Заведующий отделом научно-технической информации «Инженерной газеты» (1991–1993), научный обозреватель отдела «Общество» в «Независимой газете» (1993–1997).

Автор статей, опубликованных в журналах: «Электрохимия», «Химия и жизнь», «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Мир психологии», «Науковедение», «Философские науки», «Компьютерра», «Пушкин» и др.

Автор книг: «Миф. Технология. Наука» (2000), «Диалоги о научно-технической политике» (2001), «Технологичная культура» (2008), «Дети Парацельса» (2011), «Жанр, который мы потеряли: Очерк истории отечественной научно-популярной литературы» (2012), «Спираль жанра» (2014), «Наука – это то, чего не может быть: Сборник интервью ученых» (2016).

Лауреат премии Союза журналистов России (2001), Литературной премии имени Александра Беляева (2013), Международного конкурса деловой журналистики «Pressзвание» в номинации «Наука и жизнь» (2016).

— **Как Вы пришли в научную журналистику?**

— Кривым путем. Закончил Московский Энергетический институт по специальности «Теплофизика», 7 лет отработал в конструкторском бюро, а в 1989 году, работая в этом бюро, еще и учился в школе-студии научной журналистики при журнале «Химия и жизнь». Прочитал в газете «Московский комсомолец» объявление о наборе в эту студию, попробовал туда поступить. Кстати, конкурс там был около 40 человек на место, как ни странно. После того, как перестал существовать Советский Союз, перестало существовать и конструкторское бюро, где я работал, я как-то неожиданно так, плавно перетек в научную журналистику. Ну и так пошло, пошло, пошло, и 2 года продолжалась эта учеба, и именно там мне предложили сначала в одну газету перейти работать, а потом уже, через некоторое время я сам, по собственной инициативе, попробовал попасть в «Независимую газету», и меня приняли. С самого начала это была именно специализация «Научная журналистика».

— **А чем научная журналистика отличается от других тематических видов журналистики?**

— Знаете, каждый кулик свое болото хвалит. Я считаю, что научная журналистика – это высший пилотаж по сравнению с другими видами журналистики, даже в сравнении с политической. Отличается она многими вещами, и стилистическими, и идеологическими, и так далее. Но, прежде всего, она отличается тем, что люди, которые занимаются научной журналистикой, имеют некоторое базовое, не журналистское, специальное образование: литературоведы, философы, психологи, медики, физики, биологи. Видимо, так эти естественно-научные и гуманитарные фундаментальные специальности выстраивают мозги, что человек после этого может более или менее свободно ориентироваться и работать в самых раз-

ных сферах деятельности. Есть книжка такая, Виталия Третьякова, «Как стать знаменитым журналистом», там замечательный афоризм приведен: «Если собрать 10 авиаконструкторов, они помыкаются какое-то время, но газету сделать сумеют. Если собрать 10 выдающихся журналистов, сколько бы они не мыкались, самолет сконструировать они не смогут». Мне кажется, в устройстве мозгов дело, извините за метафору такую. Научный журналист все время ищет некую иерархию, так его мозг устроен, мне кажется. И тексты более логичные получаются.

Научная журналистика – это высший пилотаж по сравнению с другими видами журналистики, даже в сравнении с политической.

— **Какова цель у научной журналистики? Кому она сегодня нужна и зачем?**

— Это глобальный вопрос, конечно. Я вам глобально и отвечу. Видимо, где-то в мозгу у человека есть такое свойство, как любопытство. Он хочет все время окружающий мир привести в некую систему. Научная журналистика, популяризация науки помогают человеку такую систему образов, систему отношения к миру выстроить. Это, мне кажется, глобальная задача. А прикладная задача во всем мире – привлечь лучшие мозги к занятию наукой. Как бы мы хотели или не хотели, мы живем в мире, который создан наукой, в техногенном мире, в насквозь технологизированном мире. Вы на планете Земля не найдете уже ни одной точки пространства, где бы не было заметно влияние человека. Даже в крови у пингвинов в Антарктиде находят химические вещества, которые производят в Европе. Весь мир – это мир технологий. Поэтому, конечно, очень желательно привлечь молодые мозги в эту сферу, чтобы развиваться дальше.

— **Технологии как-то повлияли на научную журналистику? Изменилась ли она за последние 20 лет? И как изменилась?**

— В прикладном смысле – конечно изменилась. Стали, например, доступны совершенно маленькие, комфортные и незаметные диктофоны. Их положил в карман, включил – и ты можешь собеседника не предупреждать. Хотя это даже по закону не положено, но тем не менее. Был такой замечательный отечественный научный журналист, научный писатель – Карл Ефимович Левитин, у него есть книга «Научная журналистика как составная часть знаний и умений любого ученого» (Москва, 2012). В ней он дает психологические портреты типичного ученого и типичного научного журналиста. И научный журналист у Карла Левитина сравнивается со шпионом. И действительно, его картинка работы научного журналиста очень похожа на ту, как ведет аналитическую работу разведслужба. Научный журналист – это человек, который ведет аналитическую работу. Ну, я так себе это представляю.

— **Есть ли сейчас какие-то проблемы в научной журналистике?**

— Проблемы – «зачем?» и «для кого?». На мой взгляд, это главная проблема, особенно – для России. Посмотрите – во всех законах, указах Президента, постановлениях Правительства в последнее время обязательно фигурирует строчка о популяризации науки, то есть это такой государственный поворот в сторону популяризации науки произошел. При этом мы с вами видим, что уровень знаний, подготовки специалистов резко упал. Мне иногда приходится проводить семинары по научной журналистике в различных вузах, и мне как-то забавно наблюдать, что я и студенты – это как люди с разных планет. Я им начинаю говорить про фильм «9 дней одного года», и никто из них этой картины не смотрел и даже не слышал про такую. Братьев Стругацких уже вообще никто не читает, но слышали, по крайней мере. И так далее. Вот это главная проблема в России:

научная популяризация, на мой взгляд, сейчас в основном выполняет развлекательную функцию. А зачем это нужно людям? Развлекаться. Различные формы популяризации придумываются, но это не выливается, как мы с вами чувствуем, в какое-то качественное улучшение нашей жизни.

— **Есть ли сейчас спрос на профессию научного журналиста?**

— Судя по всему, какой-то спрос есть, потому что есть государственный заказ. Я недаром упомянул все эти постановления правительства – худо-бедно этим постановлениям пытаются как-то следовать. Поэтому при многих научных институтах, практически при всех вузах созданы группы, которые пытаются заниматься продвижением достижений своих сотрудников, своих исследователей. Туда нужны люди. Потом, гигантская сфера возникла – это научная интернет-журналистика. Русские научно-популярные сайты очень хороши. Их, может быть, не такое гигантское количество, как западных, но то, что есть – это замечательные русскоязычные сайты, связанные с наукой: Элементы.ру, Антропогенез.ру и так далее, их достаточно много. Поэтому, спрос то есть, но какая польза от этого обществу? Я пока что, кроме того, чтобы развлекать публику, особой пользы не вижу.

— **Вот Вы сказали, что в научную журналистику идут скорее люди с образованием биолог, химик, и так далее. Но все равно они должны иметь какие-то качества и навыки, чтобы хорошо писать научные тексты, чтобы стать научным журналистом. Какие это должны быть навыки?**

— Это как мама с папой постарались. Научить человека писать нельзя. Можно показать какие-то приемы, какие-то шаблоны – это да, это существует. Я вспоминаю свои два года, когда я обучался в этой школе-студии научной журналистики в журнале «Химия и жизнь». Там не столько нас учили писать тексты, сколько просто

погрузили в научную среду. Хотя, конечно, и показывали какие-то азы профессии. В этой редакции занятия проходили по вечерам. Я там познакомился с покойным ныне академиком Петряновым-Соколовым, например. Много бардов приходило, пели. Функция скорее была такая, чтобы погрузить в эту среду. А уже создавать тексты – я больше чем уверен, за две недели можно понять, получится ли из человека журналист, умеет он писать или нет. Необязательно научный журналист. Но для того, чтобы это понять, на факультете журналистики нужно делать как можно больше текстов. Все-таки, несмотря на телевидение, на Интернет, в основе всего лежит текст. Если ты сможешь изложить свою мысль на бумаге – то тогда ты можешь заниматься и телевидением, и интернет-журналистикой, и чем хочешь.

А прикладная задача научной журналистики во всем мире – привлечь лучшие мозги к занятию наукой. Как бы мы хотели или не хотели, мы живем в мире, который создан наукой, в техногенном мире, в насквозь технологизированном мире. Вы на планете Земля не найдете уже ни одной точки пространства, где бы не было заметно влияние человека. Даже в крови у пингвинов в Антарктиде находят химические вещества, которые производят в Европе. Весь мир – это мир технологий. Поэтому, конечно, очень желательно привлечь молодые мозги в эту сферу, чтобы развиваться дальше.

- **Как Вы считаете, каковы сейчас карьерные возможности у научных журналистов? Чем они вообще могут заниматься?**
- Могут, например, возглавлять службы по связям с общественностью в крупных технологических холдингах, типа РВК,

«Нанотех» и так далее. Это очень серьезная карьерная позиция. Сейчас достаточно много научно-популярных изданий, даже бумажных. Они, может быть, не такие тиражные, как в Советском Союзе, но к позиции главного редактора тоже можно стремиться. Тут каких-то особенных карьерных путей сугубо для научной журналистики не так много, но, с другой стороны, еще раз возвращаясь к сказанному выше: мы живем с вами в насквозь технологизированном обществе. Куда не ткни – ты везде сталкиваешься с техникой, с технологией, с наукой. Чтобы уметь свести вместе общество и технологии, как раз нужны такие люди, как научные журналисты. Поэтому, прежде всего, сейчас это очень сильный тренд, журналист может работать в отделах по связям с общественностью. Ну а там уж, как сложится ситуация.

Иногда приходится проводить небольшие семинары по научной журналистике в различных вузах, и мне как-то забавно видеть что, я и студенты – это как люди с совершенно разных планет. Я им начинаю говорить про фильм «9 дней одного года», и никто из них его не смотрел и даже не слышал.

— **А есть ли какие-то особенности в общении журналиста с ученым? Как завоевать доверие у ученого?**

— Да, это самый главный вопрос, как мне кажется, – вопрос общения. Тут можно долго рассказывать, но ситуация такая, что вот эти два сообщества – научные журналисты и ученые (есть даже такие генетические исследования) – там концентрируются в основном люди с совершенно противоположными психотипами. Журналисты – больше экстраверты, холерики, активные люди. А научное сообщество? Так исторически сложилось, если угодно, так происходит естественный отбор, что главная идея у научного сообщества –

дайте нам ресурсы и не мешайте нам работать. И вот, когда эти два противоположных сообщества пытаются контактировать, иногда в процессе общения прямо-таки искры летят. Я не знаю, стоит ли приводить какие-то конкретные технологические приемы, но это просто закон жанра. Я думаю, вас уже учат с первого курса на журналистике, что идешь на интервью с кем-то, с ученым – прочитай его биографию, как минимум. Хотя бы не ошибайся в его имени-отчестве. Если есть возможность – узнай о его хобби. Очень хорошо в начале беседы поговорить о погоде, о рыбках, а если ученый – коллекционер, что очень часто бывает, можно о коллекции расспросить.

Могу привести конкретный пример из своей практики. Есть такой академик Эрик Михайлович Галимов, он астрохимик, планетолог, долго возглавлял Институт геохимии имени В. И. Вернадского Российской академии наук в Москве. У него лет 10 назад вышла книжка, посвященная возникновению жизни во Вселенной. Такая, сугубо научная книжка, но очень интересная, захватывающая. Она мне попалась, я ее купил, прочитал и позвонил ему, попросил дать интервью, отталкиваясь от этой книжки. Он ни в какую не хотел встречаться, говорил: «Нет-нет, пока не будет отклика от моих ученых коллег, пока я не опубликую информацию в научном журнале, в газете – я не буду, не хочу», и так далее. Ну в общем, каким-то образом я его все-таки уговорил встретиться. И я прихватил с собой эту книжку. А она у меня была вся в таких липких закладочках, как ежик была. И вот мы сели за стол, и когда я достал эту книжку, и он увидел, что она вся прочитана, все исчеркана, вся в этих закладках, я почувствовал, что он потеплел, и у нас получилось очень хорошее интервью. Не скромно себя хвалить, но, тем не менее, пример очень яркий. Хотя универсальных приемов все-таки нет. Самый универсальный прием – искренне интересуйся своим собеседником, вот и все.

- **Это всё необходимые усилия со стороны журналиста. А нужно ли ученому развивать в себе какие-то коммуникативные навыки, чтобы ему было легче общаться с журналистами?**

— Тут опять возникает вопрос, а зачем ему развивать эти навыки?

Когда идешь на интервью с кем-то, а особенно с ученым – прочитай его биографию, как минимум. Хотя бы не ошибайся в его имени-отчестве. Если есть возможность – узнай о его хобби. Очень хорошо начинать беседу с разговора о погоде, о рыбках, а если ученый – коллекционер, что очень часто бывает, можно о коллекции расспросить. Искренне интересуйся своим собеседником, вот и все!

- **Чтобы знали о его достижениях.**

— И что он от этого будет иметь? Ну, конечно, есть такие энтузиасты просвещения, которые за бесплатно просвещают. Но их единицы – на пальцах одной руки, наверное, можно сосчитать. Ведь просвещение – это работа, и, как сейчас выясняется, даже некоторая наука. Популяризация науки становится тоже областью научного исследования. Это отнимает время от твоих основных исследований, допустим, если ты химик или физик. И при этом, если это никак не оплачивается, никакой отдачи нет – ученый в России не видит смысла этим заниматься. На Западе понятно, почему они все время рвутся на экраны и ленты информационных агентств: там, если общество не знает о твоей работе, ты денег не получишь на свое исследование. Есть такое замечательное высказывание одного американского физика: «Если общаться с журналистами, то они все переврут. Но если не общаться – денег на исследование не получишь». Это универсальный двигатель прогресса.

А у нас в стране что общайся, что не общайся – денег не получишь. Такова экономическая ситуация. Может быть, это исправится. Интересный исторический факт: после революции 1917 года, ну, представляете, какая ситуация в стране была? Так вот, самые большие гонорары платили за научно-популярные статьи и за переводы иностранных научных изданий на русский язык. В то, казалось бы, насквозь политизированное, военное, время, когда страна – в разрухе, государство ценило выше всего научные и научно-популярные сведения, и шла борьба между издательствами за авторов. Сейчас, к сожалению, этого нет.

Поэтому я предлагаю каждому читать побольше, причем совершенно разных, но именно бумажных книг: и беллетристику, и специальную литературу, и философскую, и публицистику. Чтобы выработать хороший стиль, я могу посоветовать каждый день читать 15 минут на ночь ранние рассказы Бунина. Вы не заметите, как через 2-3 месяца вы начнете говорить другим языком, а соответственно, и писать другим языком.

– **Какие советы Вы может дать начинающим научным журналистам?**

– Прежде всего, я бы сформулировал так: выбрать область специализации. Это выбирается легко: у кого к чему склонность больше. И начать специализироваться в этой области. Читать научные, – подчеркиваю, научные, а не научно-популярные, – журналы, книги, изучать историю этой области, вести свой архив ссылок, цитат, библиографию, даже собирать архив картинок, которые вдруг тебя заинтересовали.

Второй совет – писать, писать и писать заметки. Пока ты не перелопатишь весь объем информации, пока не пройдешь какой-

то свой внутренний порог. Потом легко это будет происходить, но просто так изучать теорию научной журналистики и не делать научно-популярных текстов – не пытаться, по крайней мере, делать – ничего не получится.

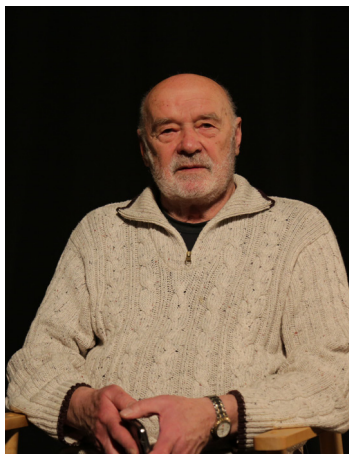
И третий момент. Есть такая шутка: чем хороший журналист отличается от очень хорошего? У хорошего журналиста вот такой толщины записная книжка (*примечание: показывает жестом очень тонкую книгу*), а у очень хорошего – вот такой толщины записная книжка (*примечание: показывает жестом толстую книгу*). То есть, необходимо постоянно заводить знакомства с людьми. Общаться, пить с ними чай, кофе, коньяк, поздравлять с праздниками. То есть, повторять, поддерживать контакты.

Но главное, конечно, – выбрать специализацию и начать писать тексты. Еще совет банальный, но абсолютно беспроблемный – читать как можно больше книг. Причем книг бумажных, не в Интернете, не читалки электронные. Это отдельный разговор, но мне кажется, давно уже прояснилась ситуация, что при чтении бумажной книги и электронной – разные участки мозга включаются у человека. Поэтому я предлагаю каждому читать побольше, причем совершенно разных, книг: и беллетристику, и специальную литературу, и философскую, и публицистику.

Чтобы выработать хороший стиль, я могу посоветовать каждый день читать 15 минут на ночь ранние рассказы Бунина. Вы не заметите, как через 2-3 месяца вы начнете говорить другим языком, а соответственно, и писать другим языком. Это раз. И потом, еще золотое правило журналистики: информация лишней не бывает. Неважно: ты собрал информацию, а она не вошла в твою ближайшую статью. Не забывай ее, зафиксируй где-то, веди свой архив, электронный, а еще лучше – бумажный. Удобнее карточного бумажного архива человечество, по-моему, еще ничего не придумало. Я уже в своем компьютере не могу найти файлы: я знаю, что они где-то есть, но в какую папку я их там запихнул, уже не знаю. В карточном архиве все очень лег-

ко ищется. Информация лишней не бывает, рано или поздно она всплывает.

При подготовке какой-то статьи ассоциации иногда возникают совершенно неожиданные. Мы же научные журналисты, а не ученые, поэтому можем в свой текст вставлять кусочки художественных произведений, отрывки стихотворных, философских произведений. Только не забывайте ставить кавычки, когда цитируете кого-то. У молодых журналистов часто такая болезнь: я, я, я, личное местоимение «я» и очень мало цитат других авторов. Они думают, что его, молодого журналиста, читают – ничего подобного! Вот сейчас спроси любого читателя – он ни одной фамилии журналиста не назовет, пишущего, по крайней мере. Ну, назовут может быть, тележурналиста, но это не пишущий журналист. А попросите назвать фамилию научного журналиста – тем более не назовут. Поэтому не нужно себя тешить иллюзией, что все сразу кинутся на твою фамилию. Бывают, конечно, исключения, но такой авторитет зарабатывается десятилетиями. Мы можем сходу назвать Сергея Петровича Капицу. Но все – больше никого мы не можем сходу вспомнить, хотя очень много хороших журналистов. Поэтому, чем в твоём тексте будет больше ссылок на другие источники, на других людей, как ни странно, тем твой текст будет более запоминающимся и более выигрышным. Это очень важно. И главное – побольше читать, от Библии, кто осилит, и до рассказов Бунина, и все-все-все подряд. Это обязательно пригодится.

Владимир Губарев – научный журналист и редактор («Комсомольская правда», «Правда»), телеведущий (цикл передач «Реальная фантастика», канал «Культура»), писатель, драматург.

В соавторстве с В. А. Аграновским, Д. А. Биленкиным, Я. К. Головановым, В. Комаровым и художником П. Л. Буниным под коллективным псевдонимом Павел Багряк публиковал фантастическую прозу.

Автор всемирно известной пьесы «Саркофаг», написанной под впечатлением от Чернобыльской аварии. В. С. Губарев был первым журналистом, оказавшимся на месте трагедии. В Великобритании пьеса отмечена театральной премией имени Лоуренса Оливье.

Лауреат Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола, премий Союза журналистов и Союза писателей СССР, Академии наук СССР и России, а также множества зарубежных премий.

— Как Вы пришли в научную журналистику?

— Вопрос простой, но ответ будет сложный. Вот вы догадываетесь, в какую эпоху мы живем? Мы живем в космическую эпоху. А я пришел в научную журналистику, когда заканчивалось то время, которое называется «до нашей эры» и пришла новая эра – космическая. Это был переломный момент, и журналистика казалась тогда бессильной, потому что не было профессионалов, которые могли бы писать о космосе, о ядерных вещах, о том переломе в истории цивилизации, о принципиальных направлениях в обществе, которые начали развиваться после 1957 года. И вот тогда было принято мудрое решение – бросить в журналистику специалистов. А как их найти? Очень просто. Посмотрели, кто пишет стихи, рассказы, очерки. И вот нас набралось 15 человек. Мы все кончали технические вузы, а поскольку жили на стипендию, не гнушались литературной подработкой: писали стихи, рассказы, и это баловство привело к тому, что наши публикации появились в «Юности», «Московском комсомольце» и других изданий. Будучи студентом, я ездил каждый год на целину (даже первая правительственная награда у меня за освоение целины) и писал какие-то очерки, которые печатались в «Московском комсомольце». Кроме этого, я писал стихи. Мы читали свои стихи со сцены, выступали в том числе и в Политехническом, в других залах. И однажды меня попросили помочь, пойти в газету и помочь журналистам в освещении космической темы. Дело в том, что практически у нас у всех была первая форма допуска, это допуск к секретным работам, к которым относилась и космическая техника, и ядерная техника. Я работал в одном закрытом институте. На целый год несколько человек отправили в газету – в «Комсомольскую правду» для того, чтобы помочь с освещением космоса. Помню, как я встречал из космоса собачку Чернушку, но она не долетела до земли, погибла.

Это было 1 декабря 1959 года. Второй пуск был неудачный – это было 24 декабря, и собачка Жулька упала в тайге, ее Сергей Павлович Королев приказал доставить, найти этот корабль до того, как он будет взорван. Специально делали, чтобы корабли взрывались, если они упадут на территорию другого государства. В общем, у нас была эпопея, но в итоге мы эту собачку вытащили. Я даже потом сделал фильм такой «Корабль-пришелец». Почему такое название? Потому что Георгий Гречко, будучи инженером, летал туда, и когда он докладывал Королеву, что нашли и доставили эту собачку, то спросил: «Что отвечать, если будут спрашивать, куда мы летали, что мы делали в тайге?» Королев ответил: «Да скажите, что вы искали корабль-пришелец!» Вот с тех пор и пошла такая легенда.

В общем, начинался космос, нужны были специалисты. И многие многие ученые пришли в журналистику на год, а остались навсегда. Среди блестящих журналистов того времени были такие, как Слава Голованов, Боря Коновалов, Дима Биленкин, Леня Репин, которые кроме этого были и прекрасными писателями. Вот так мы к научной журналистике и «прикипели» – мы создавали новую газету. В «Комсомолке» был молодой коллектив, мы делали эту газету (тогда начинался космос по-настоящему, с полетами, с Гагариным и т. д.), которая была одной из самых крупных и интересных газет в течение 10 лет. Там работали Вася Песков и Юра Рост – целая плеяда блестящих журналистов. Ну, во-первых, это интересно – раз, а во-вторых, мы попали, конечно, в перелом эпох, когда интерес к космосу был феноменальный, когда знали всех, кто пишет о космосе и кто с ним связан, и это время во многом определило лицо научной журналистики нашей страны. Хотя я должен сказать, что до начала 60-х годов было две школы научной журналистики. Это была школа Михаила Васильевича Хвастунова, он же Васильев, он же редактор «Комсомольской правды» по науке. А вторая школа была Болховитинова, в которой начинали Остроумов и Владимир Орлов – они создали «Науку и жизнь» в том виде, в котором журнал выходит до сегодняшнего дня. И если говорить о «Комсомольской прав-

де» начала 60-х годов, из нее позже многие журналисты перешли в «Известия».

Я считаю, что научная журналистика в нашей стране появилась благодаря полету Гагарина, благодаря ядерным исследованиям, благодаря огромному интересу общества к науке. Об ученых и их достижениях не только писали в газетах, но снимали художественные фильмы, ставили спектакли. Это просто было всем интересно. У меня нет профессионального журналистского образования. Я в МГУ не учился, правда, потом читал лекции и участвовал в защите кандидатской и докторской диссертаций, связанных с журналистикой, но у меня нет журналистского образования, и как мне кажется, уже поздно его получать.

Я считаю, что научная журналистика в нашей стране появилась благодаря полету Гагарина, благодаря ядерным исследованиям, благодаря огромному интересу общества к науке. Об ученых и их достижениях не только писали в газетах, но и снимали художественные фильмы, ставили спектакли. Это просто было всем интересно.

— **А как Вы считаете, чем научная журналистика отличается от других тематических видов журналистики?**

— Вы знаете, вообще-то, журналистика очень трудная профессия, очень сложная и очень обманчивая. Я выступал во всех жанрах и думаю, что владею всеми жанрами журналистики от информации в семь строк до больших очерков. Но научная журналистика имеет много особенностей. Обычно журналист как бы застывает, став ремесленником, ведь у нас же ремесло и мы должны быть ремесленниками: научившись что-то делать, о чем-то писать, он чаще всего застывает на этом уровне. В научной журналистике это невозможно. Раньше я не мог этого доказать, а сейчас могу очень просто: в 1963-64 годах я занимался генетикой. Горжусь тем, что в «Комсомольской правде» появился первый материал с критикой Лысенко, небольшая

такая заметка, и с него начался весь вал материалов по борьбе с лысенковщиной. Это подтверждает Николай Петрович Дубинин в своей книжке (*прим.: Николай Петрович Дубинин – один из выдающихся генетиков нашего времени*). Вот тогда в 1963-64 годах мы с ним написали книжку – «Нить жизни. Очерки о генетике». Это была первая книжка после «лысенковщины» и против Лысенко, она вышла в очень странном издательстве под названием «Атомиздат», потому что в другом издательстве ее бы не пропустили, и выдержала много изданий большим тиражом. И даже в МГУ она была учебным пособием на факультете биологии, и я там выступал несколько раз. И Дубинин даже говорил: «Давай, мы книгу засчитаем как твою диссертацию». Но я сказал: «Нет, это не наука». Я после этого не занимался генетикой в силу ряда причин, хотя мы дружили с Николаем Петровичем до конца его жизни. Вот недавно был российско-белорусский форум, и я услышал выступление одного генетика, директора института биологии, который создавал как раз Дубинин. Я поехал к нему, и мы говорили с Янковским, членом-корреспондентом РАН, мы с ним говорили о генетике, и вдруг я понял, насколько отстал, насколько я не понимаю, что происходит, потому что я этим давно не занимался. Генетика той поры и сегодняшняя генетика – это небо и земля. После разговора с Янковским я сел за книжки и начал разбираться, в чем дело, что происходит, и конечно же – дистанция огромнейшая, приблизительно такая же, как между Луной и полетом человека на Луну. Представьте, что когда-то я влюблялся в молодости, сидели мы на лавочке с любимой и смотрели на Луну, и она казалась прекрасной, такой красивой, недостижимой, загадочной. А сейчас-то я смотрю на Луну иначе, потому что я видел, как по ней наши луноходы бегают, как Армстронг ходил по Луне и еще десяток человек после него. Я к ней уже иначе отношусь, чем я относился к ней в молодости. Это гигантская дистанция в наших взглядах. Это присуще только одной области, только научной журналистике. Вообще-то, представьте, что такое научная журналистика на секунду. Вы знаете, чем человек отличается от свиньи? Самое главное отличие в том, что свинья никогда не смотрит на-

верх. Человек иногда поднимает голову и смотрит на звезды, свинья этого никогда не делает. Давайте взглянем в ночное небо. Галактики, вселенные, о которых мы не подозреваем. Это же страшно интересно. А самое главное, это возвышает человека – вселенная и звезды. Теперь давайте посмотрим назад. Каждый год совершаются феноменальные открытия. Вот сегодня утром я читал о динозаврах, которые жили 200 млн. лет тому назад, и вдруг выясняется, что это была, в общем-то, цивилизация. Выясняется, что динозавры, которые летали, были весом в две тонны. Это означает, что была другая плотность атмосферы, другой мир, другая цивилизация. Это было на нашей земле всего лишь каких-то 300 млн. лет назад. Научная журналистика не позволяет остановиться. Если ты остановишься, как я остановился с генетикой, значит, ты можешь пропасть навсегда. И это определяет очень много в отношении к жизни. Я должен вам сказать, что самое интересное в жизни – это понимать, в каком мире мы живем. Мы живем в феноменальном мире, который бесконечен смотришь ли ты в будущее или оглядываешься назад. И вот это представление о мире дает именно научная журналистика. И честно могу сказать: я встречался с тысячами людей самых разных профессий, ведь я все-таки в некоторой степени драматург, шесть пьес написал и все они поставлены, а одна поставлена почти во всех странах, где есть театр, я имею в виду пьесу «Саркофаг». Есть мир кино, телевидения, они тоже интересны, но мир науки, мир ученых – это единственный мир, который расширяет твой разум до бесконечности.

— **А какие цели у научной журналистики? Кому и зачем она нужна?**

— Вообще я должен сказать, что человек в 21 веке должен стоять на двух китах. Первый кит – это литература. Все, что у нас сейчас происходит в школе – безобразие, нужно больше уроков литературы, потому что человека воспитывает классика и классическая мировая литература. Мало кто знает, что после войны первым пунктом репа-

рации Германии был пункт об издании в Лейпцигской типографии полных собраний сочинений Чехова, Горького, Толстого, Салтыкова-Щедрина. Изданные там книги продавались в нашей стране везде и стоили недорого. Я мог купить, будучи студентом, любую книгу. И любой другой студент мог купить. Человек формируется прежде всего на классической мировой литературе. Все остальное – прилагательное. Человек обязательно должен знать литературу, тогда он взрослеет душой. Второй кит – разум, который дает только наука, больше ничего. И это позор, если мы знаем проспект Вернадского, но не знаем кто такой Вернадский? Владимир Иванович – один из величайших ученых двадцатого века, человек философски подходивший к жизни. Нужно обязательно знать, кто такие были Келдыш, Королев, Александров, Ландау, множество других замечательных ученых – это элита. Это те люди, которые развивают общество, цивилизацию. Все, что нас окружает – связано с достижениями науки.

Представьте, что когда-то я влюблялся в молодости, сидели мы с любимой на лавочке и смотрели на Луну, и она казалась прекрасной, такой красивой, недостижимой, загадочной. А сейчас-то я смотрю на Луну иначе, потому что я видел, как по ней наши луноходы бегают, как Армстронг ходил по Луне и еще десяток человек. Я к ней уже иначе отношусь, чем относился в молодости. Это гигантская дистанция в наших взглядах. Это присуще только одной области, только научной журналистике.

Я считаю, что 4 октября 1957 года наступила новая эпоха, новая эра – космическая. Случился качественный скачок. Изменилось все в этом мире, абсолютно все. Когда Юрий Гагарин готовился к полету, все думали, что человек сойдет с ума, когда поднимется над нашей планетой, он не сможет там летать. Многие ученые

в этом были убеждены, и в этом также был подвиг Гагарина – он смог. Космос изменил всю нашу психологию.

Еще один пример. Взрыв на Чернобыльской атомной станции или взрыв на Фукусиме. Вы знаете хотя бы одного главного оператора атомной станции? Не знаете. А если я вас попрошу назвать 5 или 6 актеров, назовете? Так вот от актеров зависит наше удовольствие, а от операторов – жизнь. А мы не знаем, как их зовут. Но это долгий ответ на короткий вопрос.

- **Вы сказали, что 4 октября 1957 года все резко изменилось, а как с того момента изменилась научная журналистика?**

— Ее просто до этого не было. Та своеобразная журналистика была похожа на комментарии к учебникам начальных классов. Это было чистое просветительство, которым надо заниматься и сегодня. Я, конечно, был потрясен, когда узнал, что немало молодых людей считает, что солнце вращается вокруг земли – это средневековье. Ну следующий шаг тогда – будут думать, что земля плоская. Это, наверное, обратная реакция, ведь 20 век, вторая его половина – это величайший взлет науки и технологий во всех областях, в генетике, в медицине, в ядерной физике, в космических исследованиях. Это революционный скачок в истории нашей цивилизации. И это испугало людей. Однажды один очень крупный физик говорит мне: «Володя, вот я смотрю на телефон и никак не могу понять, как здесь все это уместается?!» И я этого не могу понять! Это кажется невозможным. И невольно у людей возникает какой-то внутренний протест. Многие научные факты понять очень сложно, но другого пути нет. Порой это вызывает обратную реакцию: проще поверить колдунам, экстрасенсам, гороскопам. Отсюда вспышка лженауки, которая очень вредна, потому что не без ее участия 21 век становится веком невежества, оно процветает феноменально. Один из показателей – это то, что борются с наукой, с научными знаниями. Вся нынешняя болонская система образования

– это борьба со знаниями. Яркий пример – отмена астрономии в школе. Как можно отменять астрономию? Астрономия и литература как науки возвышают человека. Они отличают человека от свиньи. А школьники смотрят только вниз себе под ноги, и это губит таланты. Роль научной журналистики сегодня необычайно велика именно потому, что нужно даже не нести знания людям, а пропагандировать стремление к знаниям, возбуждать интерес в обществе к наукам. Мы живем в очень интересном мире, он не гламурен, он гораздо интереснее.

Мир науки, мир ученых – это единственный мир, который расширяет твой разум до бесконечности.

– Какие еще особенности у научной журналистики 21 века?

– Учиться надо, это единственное. Читать надо, но не в Интернете и не электронные книги. Вот в метро едешь – не читают, и это беда. Дело в том, что это как чистописание: вот отменили в школе чистописание, казалось бы, ничего страшного, а на самом деле – это отработка определённых человеческих качеств. Во-первых, когда идет чистописание, ты не можешь писать неграмотно. Когда ты пишешь грамотно, ты лучше понимаешь, чем человек, который неграмотен. Когда ты можешь критично относиться к тому или иному литературному произведению, иметь свою точку зрения – не точку зрения, выложенную в Интернете или в шпаргалке – это развивает тебя. То же самое происходит с научной журналистикой. Современные таблоиды ее просто боятся. Потому что для того, чтобы писать грамотно, надо много знать, надо учиться, надо готовиться. Я могу сочинить любой материал для любого таблоида, могу придумать все, что угодно. Это не проблема. Например, что у кого-то вырос хвост. А для того, чтобы рассказать, как вырос хвост у ящерицы или

как вырастают рога у оленя, нужно изучить этот вопрос: здесь начинается биология, надо вникать, так просто не ответишь на этот вопрос.

— **Кроме того, что научную журналистику боятся, какие у нее еще есть проблемы сегодня?**

— Отсутствие знаний. В то время, когда я начинал, молодежь была гораздо образованнее, чем сегодня, это очень печально. Я могу это совершенно спокойно доказать, даже вас спросить. Кто такой Келдыш, Пилюгин? Я могу задавать вам вопросы, на которые вы не сможете ответить. А раньше этого не было. Меня убила одна вещь: происходит подмена понятий. Однажды я спросил у студентов, кто первый у нас полетел в космос. У нас, говорят, Юрий Гагарин. А вообще, в мире, кто первый полетел? И тут мне сказали, что первым полетел американец. Почему мне так ответили? Потом я понял. Появилась возможность ездить по миру, и вот та девушка, которая мне так ответила, а она была в Вашингтоне и наверняка зашла в институте в музей, а там висит большой плакат: «Первый американец в космосе Алан Шепард». Правильно, первый американец в космосе. Он полетел через 20 дней после Гагарина и всего на 15 минут. Далее на плакате было сказано, что первым полетел Гагарин, но она запомнила только эту фразу. Происходит подмена понятий. Школа не дает фундаментальных знаний. Раньше молодежь была более образованной. И многие стремились стать космонавтами, инженерами, физиками, ядерщиками. Ну я думаю, что это временное явление. А сейчас финансисты, менеджеры, банкиры и прочее. Что такое менеджер? Чушь! Нет такой профессии. Люди этих профессий ничего не могут создавать в стране. Кто-нибудь мне может доказать, что банкир что-нибудь создает? Нет. Создают инженеры, ученые, рабочие, колхозники, фермеры. А эти ничего не создают. А значит у них примитивное образование. И вот бороться с примитивизмом очень сложно. Поэтому расплодилось так много гламура. Нас приучают смотреть в чужие окна.

В прямом смысле этого слова. Возьмите любую ТВ-программу – лишь бы подглядеть, кто с кем спит, кто с кем живет, кто на ком женился. Кого это волнует? Это очень опасная тенденция, которая ведет к деградации нации. Но я же безнадежный оптимист, и я знаю одну вещь, что в нашем обществе во все времена была прослойка интеллигенции. Интеллигенция – это очень тонкий слой, который существует только в России и он существовал всегда, чтобы сильные мира сего знали, что будут судимы, морально и нравственно. Сегодня эта прослойка достаточно узкая, но она не даст возможности совсем уже полностью оглупить нацию. И поэтому научная журналистика не в фаворе, поэтому процветает лженаука. Но дело в том, что опять-таки и лженаука ничего не создает, идет по простому пути: можно только что-то копировать, причем не самое хорошее, можно сделать тысячу копий Моны Лизы. Так это и происходит. В научной журналистике нужно быть, во-первых, писателем-фантастом, потому что воображение должно работать, а у писателей-фантастов воображение работает. Это дает возможность придумать что-то. Вот мы придумали синих людей, роман есть такой – «Синие люди. Как завоевывать Марс», а если задуматься, там много науки. Вторая вещь, конечно, неплохо бы быть драматургом. Что такое драматургия? Это не только построение пьесы и создание, это еще и владение языком. Язык очень разный. Ты не можешь писать пьесу, чтобы все одинаково разговаривали, у всех свои особенности, и это очень сильно помогает при работе с учеными. Потому что характер ученого передается в его манере разговора. Честно говоря, я не очень активно брал интервью у ученых до тех пор, пока не стал драматургом, пока не написал пьесы. А когда написал, мне стало легко. Последние пятнадцать лет я делаю такие «Чаепития в Академии. Встречи с крупнейшими учеными страны». Написал 15 книг. Я могу открыть книжку, открыть любую страницу и сказать, с кем именно беседовал. Поэтому научный журналист должен быть немножко драматургом.

— **А кроме этих навыков, какие должны быть условия, чтобы стать хорошим научным журналистом?**

— Талант. Надо вообще быть талантливым, чтобы быть журналистом. А научным журналистам нужно еще и много учиться. Научная журналистика не терпит застоя. Журналист должен понимать одну вещь – учиться интересно. Если писать об одном и том же, а, к сожалению, подавляющее большинство журналистов делают одно и то же, завтра никому это не будет нужно. Если обычная журналистика регулярно рождается и умирает в зависимости от интересов общества, то научная журналистика не может останавливаться – она очень четко отражает время. Это как театр: в театре приблизительно 15 персонажей – первый любовник, второй, главный герой, героиня – на этом держится вся мировая драматургия. Очень трудно придумать шестнадцатого. Я придумал шестнадцатого. В спектакле «Саркофаг» есть Кролик, он же Бессмертный. Такого не было в истории мировой драматургии. Поэтому практически все, кто играл его в других странах, получили премию за эту роль. Вот и научная журналистика требует генерации новых идей.

Астрономия и литература возвышают человека. Они отличают человека от свиньи. Вы знаете, чем человек отличается от свиньи? Самое главное отличие, что свинья никогда не смотрит вверх. Человек иногда поднимает голову и смотрит на звезды, свинья этого никогда не делает. Давайте взглянем в ночное небо. Галактики, вселенные, о которых мы не подозреваем. Это же страшно интересно. А самое главное, это возвышает человека – вселенная и звезды.

Есть четыре стадии развития журналиста. Первая – видеть свою фамилию в газете. Вторая – чтобы статья была большой. Третья – чтобы статья была большой и сенсационной, чтобы все о ней

говорили. Четвертая – не важно, что говорят, важно, чтобы ты знал, что это хорошо. И потом уже начинается настоящая журналистика.

- **Вы говорили, что менеджеры ничего не создают. А что создает научная журналистика? Есть ли спрос на эту профессию? Нужно ли молодым ученым или журналистам сейчас туда идти?**

– Я каждый год до нынешнего года выпускал том «Чаепития в академии». Это беседы с крупнейшими учеными страны. Эти книжки не продавались, они дарились ученым во время общего собрания Академии наук. Вот 1200 человек получали эту книжку – это было так любопытно, когда ты смотришь в зал и видишь, что они листают твою книгу, ищут, про кого что написано. Не было ни одного случая, чтобы кто-то равнодушно к этому изданию относился. И вот здесь можно говорить об уровне профессионального мастерства журналиста.

Я практически никогда не показываю заранее тексты своим собеседникам. Я не учу этому, но я не показываю по очень простой причине: я всегда говорю, если будут ошибки, то это будут мои ошибки. А началось это с одной забавной истории: в 90-х годах я много писал об атомной науке и технике, а после 1991 года я работал в газете «Правда» первым заместителем. Выступал против Ельцина, против очень многих людей, с ним связанных и оказался никому не нужным. Я взял и уехал в закрытый город Арзамас-16, потом переехал в другой закрытый город – Снежинск (Челябинск-70) и рассекретил 50 создателей ядерного оружия. Рассекретил всех. И многие из них (кто еще жив) мне признательны. Начальник главка Цырков Георгий Александрович спросил тогда: «Что ты мне не показываешь ничего?». Я говорю: «А что я буду показывать? Если там будет ошибка, то что я скажу? Что я Цыркову показывал и передаю стрелки?». И в это время выходит в газете мой большой материал со Станиславом Ворониным, главным конструктором ядерного оружия. И так как уже были смутные 90-е годы, в газетах не

было корректоров, всех посокращали, то в итоге у меня в компьютере получилось вместо водородной бомбы водопроводная бомба. И выходит материал с водопроводной бомбой. Я в это время еду в Арзамас-16 на встречу с читателями, и мне говорят, что я над ними издеваюсь, а я отвечаю: «Мужики, виноват я. Но в книжке, которая будет выпущена, все будет исправлено». Но я забыл, и в книжке вышла водопроводная бомба. Я тогда Цыркуву сказал: «Видишь, в каком бы ты оказался положении, если б прочитал и пропустил водопроводную бомбу!»! Но казусы случаются, и здесь еще одна очень важная для научного журналиста вещь – никогда не надо стесняться говорить, если ты чего-то не знаешь. Более того, к тебе относятся с уважением, если ты говоришь это прямо, а не несешь всякую чушь. Второе, нужно всегда просить, чтобы помогли в чем-то разобраться. И, в третьих, честно признавать свои ошибки. У меня в жизни было несколько таких случаев, когда я публично признавал свои ошибки – спокойно, хотя и страшно неприятно. Это необходимо, и тогда к тебе будут относиться с уважением.

— Так все-таки есть ли спрос на эту профессию?

— Ну я не знаю. У меня был прекрасный отдел в «Комсомольской правде», один из лучших в научной журналистике. Там работали такие блестящие журналисты, как Голованов, Биленкин, Боднарук, Репин. У меня был один из самых мощных отделов в газете «Правда». Чтобы было понятно про отношения журналистики и науки: однажды на редколлегии зашел разговор о том, что не совсем понятный состав сотрудников в отделе науки. И я выступил: «Так, дорогие друзья. У нас во главе редакции стоит академик, у нас работает 52 доктора и кандидата наук. Остепенённых нет только в отделе науки, и пока я редактор, их там не будет». И их действительно там не было, но у меня работали писатели. Здесь должен быть очень четкий выбор, но я горжусь, что я ни в ком ни разу не ошибся. Правда, был единственный человек, которого я взял по блату.

В газете «Правда» было вакантное место и мне принесли список людей, которых можно было взять. Вдруг я вижу фамилию Гоголь. Я говорю: «Что, Николай Васильевич?» Да! И у меня работал Николай Васильевич Гоголь.

Надо понимать одну вещь, что научная журналистика – это журналистика будущего, я в этом глубоко убежден.

— **А каковы карьерные возможности у научного журналиста?**

— А что Вы понимаете под карьерой? Творческий или служебный аспект? Перед вами научный журналист, который начинал с сотрудника «Комсомольской правды» и закончил заместителем главного редактора. В газете «Правда» начинал с обозревателя, а закончил заместителем главного редактора. То есть, с точки зрения карьеры здесь нет проблем. С творческой точки зрения: государственные премии. Все существующие журналистские премии в Советском союзе и в России я получил, некоторые дважды. Очень была смешная история: 30 апреля обсуждается премия Союза журналистов СССР, а 29 апреля я впервые печатаю в «Комсомольской правде» полосу о мирных ядерных взрывах и на следующий день узнаю, что стал лауреатом этой премии. Но меня никогда это не интересовало, хоть и облегчало жизнь, особенно в «Правде» и «Комсомолке». Меня считали не серьезным из-за этого и иногда этим пользовались, когда возникали конфликтные ситуации. Вот был материал о Байкале. А в 1966 году было постановление, что о Байкале писать нельзя. Мне говорят: «Запомни, партийные документы не стареют. Завтра на секретариат ЦК». Ну я приезжаю, думаю, что получу очередной выговор. Идет большое совещание по судьбе Байкала, а я сижу так тихо. Создается правительственная комиссия по Байкалу и в конце Лигачев говорит, чтобы меня включили в эту

комиссию. Это было блаженство, потому что мы летали на Байкал, мы буквально облазили все прибрежные зоны Байкала.

Еще в журналистике есть одна вещь: нельзя давать вытирать о себя ноги. Если один раз уступишь – все. Я очень любил иногда «поизмываться» над молодыми сотрудниками в меру своего воспитания. Понимаешь, например, что материал написан ради одного абзаца. Я беру, значит, и снимаю этот абзац. Проходит некоторое время, автор соглашается. Я его вызываю и говорю: «Что ж ты делаешь? Надо такие вещи отстаивать категорически». Что значит карьера? Это понятие смешное. Вот была газета «Правда», в которой были очень талантливые люди, лучшие люди в журналистике. Когда пошли события 1991 года, все замкнулись на прошлом. Журналист должен смотреть в будущее, все изменится и изменится совершенно не так, как мы думаем. Выдающийся физик, академик Марков опросил сто ученых: «Что будет через 20 лет с ядерной физикой?» Через двадцать лет он посмотрел эти записи. Оказалось, только один был прав. Это физик из Китая, который сказал: «Я точно знаю, что будет не так, как мы все думаем». Надо понимать одну вещь, что научная журналистика – это журналистика будущего, я в этом глубоко убежден.

- **Главный источник информации для журналиста – ученый. Но общаться с учеными бывает сложно. В чем особенности общения с учеными, как завоевать у них доверие и получить нужную тебе информацию?**

– Ну я уже сказал, что общаться с учеными очень легко. Если они тебе доверяют. У меня никогда не было проблем общения с учеными. Не было ни одного случая, чтобы мне кто-то отказал в интервью или беседе. Секрет прост: искренность – раз, подготовка – два. Нельзя с нахрапу бежать к ученому. Ученые – нормальные люди. Если ученый заинтересован, чтобы писали о нем, то это плохой ученый. Он, как правило, заинтересован в популяризации науки и каких-то своих идей. И ты должен с этим к нему приходить.

Не в поисках скандалов. Очень часто ученые пытаются использовать журналистов. Но и это плохие ученые. Есть какие-то стереотипы, которые легко преодолеваются. Я, например, был первым журналистом, который публиковал в нашей печати беседы с иностранными учеными. В частности, это был француз Шампанья, то же самое было с американцами. Вы не найдете ни одной строки, где я осуждал или критически относился к американцам, потому что я считал, что достижения американцев – такие же, как и наши. Вот недавно я подарил музею космонавтики два уникальных экземпляра: один из них – книга Гагарина «Дорога в космос». Книжка уникальная, единственная в мире. Американцы в свое время пытались ее у меня вытащить. Второе – у меня было два автографа Нейла Армстронга, который не давал автографы, но мне он подписал две свои фотографии, которые я отдал в музей космонавтики (куда я приглашаю сходить, потому что каждый уважающий себя, интеллигентный человек должен там побывать). Даже если власть захватят динозавры, все равно все будут помнить, что был Гагарин, что был первый спутник, что мы это начинали. Без музея космонавтики сложно представить страну, в которой мы живем.

— **А какие две главные вещи, которые нужно в жизни знать?**

— Первое – мир бесконечен. Второе – страшно интересно жить.

— **Напоследок, могли бы Вы дать какие-то советы начинающим научным журналистам?**

— Надо учиться и помнить одну вещь, что этот мир стоит на трех китах. Первый кит – любовь. Второй – душа. Третий – знание.

Виола Егикова – руководитель отдела науки газеты «Московская правда», научный обозреватель. Президент Российской ассоциации научных журналистов, вице-президент Европейского союза ассоциаций научных журналистов (*EUSJA*), специальный представитель *EUSJA* – организатор стажировок научных журналистов, координатор Программного комитета Всероссийского Фестиваля науки, представитель России в Европейской ассоциации популяризаторов науки (*EUSEA*).

Награждена Медалью Правительства Москвы, лауреат журналистской премии Правительства Москвы, лауреат Конкурса МГУ имени М. В. Ломоносова за лучшие научно-популярные статьи к 250-летию Московского университета.

— **Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в научную журналистику.**

— Это получилось, наверное, естественно: во-первых, я хотела работать в журналистике, а во-вторых, меня всегда интересовала наука. Кроме того, я пришла в профессию в середине 1970-х, в те годы писать о науке было в какой-то степени убежищем для человека, которому не хотелось уходить в идеологию, которая, так или иначе, довлела над СМИ.

Сегодня далеко не все могут представить, какое это было трудное время для журналистики. В наши дни у журналиста есть немало возможностей говорить с разных позиций и о политике, и об экономике, и о повседневной жизни. Сегодня при всех сложностях нашей жизни такая возможность у журналиста есть. А вот в середине 1970-х этого не было однозначно. Тогда не существовало еще электронных средств массовой информации, не было Интернета, количество издаваемых газет теле- и радиопередач оставалось ограниченным. В тех условиях журналисту, который хотел бы сохранять свои жизненные позиции и установки, было непросто. Для меня это были весьма серьезные мотивы для выбора научной журналистики.

Ну а чтобы остаться в ней, дополнительной мотивации не потребовалось. Стоит повстречаться с учеными, поговорить с ними, побывать в лабораториях, и ты понимаешь: это твоя область, это твой мир.

— **А Вам довелось заниматься какой-нибудь другой журналистикой, не научной?**

— Да. Начнем с того, что когда говорят о научной журналистике или любой другой сфере журналистики, в основе всегда лежит журналистика. Об этом сегодня часто забывают: в первую очередь

надо быть журналистом, а уже потом ты выбираешь ту или иную специализацию. Иногда эти границы раздвигаются. В начале 1990-х, когда одна страна исчезла, появилась другая, происходило много сложных процессов, связанных с этими кардинальными переменами. Мне было тогда очень интересно заниматься политической журналистикой, я много писала в те годы о политике, была в пуле президента Бориса Ельцина, работала одно время еще и парламентским корреспондентом. Но всю эту работу постоянно совмещала со статьями о науке, потому что для меня оставить науку было уже невозможно.

Человеку всегда интересно узнавать что-то новое, узнавать, как существует и развивается этот мир. Научный журналист помогает это познать, он помогает ученому об этом рассказать, а самое главное, что есть в научной журналистике и что отличает ее от других областей журналистики, научная журналистика очень тесно связана с поиском смыслов.

— **А какие основные различия между научной журналистикой и другими ее тематическими видами?**

— Считается, что научная журналистика сложна. Это так. Но я бы не стала умалять трудности своих коллег, работающих в области спортивной журналистики, например: далеко не каждый журналист, пусть даже он и любит спорт, может стать хорошим спортивным журналистом. Да взять любую специализацию в журналистике: если заниматься делом всерьез и по-настоящему, это сложно.

Научную журналистику иногда путают с научной коммуникацией. Но это совершенно разные области деятельности! Коммуникатор представляет обычно какую-то научную корпорацию или бизнес-компанию. Журналист же работает на общество. Сложность научной журналистики заключается в том, что мало знать свой пред-

мет. Научному журналисту приходится в какой-то степени работать «переводчиком»: надо уметь перевести с языка научного на язык обычного человека. О сложных вещах надо уметь говорить просто, но не упрощать, а сделать так, чтобы тема была понятна и интересна читателю, слушателю, телезрителю. Твоя задача – вникнуть и понять самому, а потом рассказать об этом так, чтобы было доступно для восприятия. Но ничего не получится, если ученому с тобой будет неинтересно разговаривать. Если ты к нему приходишь и ничего не знаешь ни о нем, ни о том, чем он занимается, никакого разговора не получается. Нужно подготовиться! Конечно, журналист обязан готовиться перед встречей во всех случаях, но, может быть, в научной журналистике это требует гораздо больше усилий.

И есть очень важная составляющая этой профессии. Как бы тебе ни казалось, что ты понял, о чем идет речь, как бы тебе ни представлялось, что интересно рассказываешь, надо обязательно показать текст ученому. Потому что можно неправильно что-то понять, допустить ошибку, и тогда весь труд, проведенная беседа из-за какого-то неточно сказанного слова или неверно сформулированного понятия пойдет насмарку. И вряд ли ученый захочет еще раз встретиться с тобой. Другое дело, что ученый может и «засушить» твой текст, сделать его неудобоваримым для читателя. Что ж, значит, надо привести аргументы, чтобы убедить ученого, и это – тоже трудности нашей профессии. Но убеждалась не раз: если ты находишь правильные слова, рассказывая о науке, ученый всегда одобрит твой текст.

Главное в науке – это неустанно задавать вопросы, искать на них ответы и снова задавать вопросы. Потому что, чем ты больше находишь ответов, тем больше возникает вопросов. Научная журналистика помогает этому – приучает читателя, слушателя, телезрителя к поиску ответов на вечные вопросы, которыми задается человек.

— **А как Вы считаете, нужна ли сегодня научная журналистика и вообще, кому она нужна?**

— Она нужна во все времена. Этот вопрос, наверное, возникает потому, что с научной журналистикой соседствует много мифов. Мифы вообще сопровождают нашу жизнь, что же касается научной журналистики, мифотворчество очень чутко ощущается человеком, который прожил в ней много лет (а я прожила в ней много лет). Например, нам всегда твердили, что до советской власти научной журналистики вообще не было, – это миф. Распространенное представление о том, что в советское время была первоклассная журналистика, – тоже миф. А уж утверждения, будто сегодня у нас расцвет научной журналистики, – это такой миф, от которого мне становится очень грустно. К сожалению, мы имеем только видимость расцвета научной журналистики, на самом деле сегодня происходит основательное упрощение этой области журналистики, нарушающее те основополагающие принципы, на которых всегда держалась научная журналистика.

Кому она нужна, спрашиваете? Но ведь человеку всегда важно постигать новое, интересно узнавать, как существует, как развивается окружающий нас мир. И научный журналист помогает получать эту ценную информацию, он помогает ученому говорить о науке, а самое главное, что есть в научной журналистике и что, как мне кажется, отличает ее – научная журналистика связана с поиском смыслов.

Человеку свойственно задумываться о своем бытии, о своем назначении, а это всегда сопряжено с поиском смыслов. И научная журналистика, именно *научная* журналистика, а не то, что за нее подчас выдают сегодня, связана с поиском смыслов по определению. Потому что, когда ты рассказываешь человеку о науке, это не просто способствует расширению его кругозора. Когда ты рассказываешь, например, о новых планетах вне Солнечной системы, это всего лишь информация. Но любую информацию надо уметь осмыслить! И вот главное, что делает научная журналистика:

она помогает думать. Это самое важное, что в ней есть, это самое главное, что я ценю в своей профессии.

Почему научная журналистика помогает думать? Потому что она связана с наукой, а науке свойственно задавать вопросы, искать на них ответы и снова задаваться вопросами. И чем ты больше находишь ответов, тем больше возникает вопросов. Если научная журналистика помогает этому сложному процессу сознания, если она приучает читателя, слушателя, телезрителя размышлять, искать ответы на вечные вопросы, которыми задается человек, если она помогает думать, тогда она отвечает своей задаче.

Журналист – это человек, который должен обладать двумя главными качествами: он должен быть умным и образованным, и он должен владеть словом – уметь писать или говорить. Если у тебя есть только одна из этих составляющих, это не журналистика, потому что можно обладать колоссальными познаниями и не уметь это выразить, не уметь зажечь другого человека своим словом. А можно красиво писать и говорить. Но за всем этим – пустота, никакого смысла и содержания. А когда у тебя есть и то, и другое, тогда ты журналист.

— **Вы можете сравнить научную журналистику 20-летней давности и нынешнюю научную журналистику?**

— Здесь мы опять возвращаемся к разговору о мифах. Мало кто представляет себе, что в XVIII веке была совершенно удивительная научная журналистика (тогда ее, правда, так не называли). Как только в России появился Университет, стала развиваться наука, тогда же возникла потребность рассказывать о ней обществу. Это, конечно, еще не было научной журналистикой, но она уже формировалась. Вы будете удивлены, узнав, какое огромное количество образовательных, научно-познавательных журналов выходило в России до революции 1917 года!

С приходом советской власти научная журналистика, можно сказать, исчезла: общество стало крайне идеологизированным, начались гонения на ученых, многие научные области были просто запрещены, ушли в подполье, но ведь журналисты об этом не писали. Всего этого словно бы и не было! Расцвет научной журналистики в нашей стране приходится на 1960-е годы, когда начались серьезные успехи в освоении космоса, когда многие исследования были рассекречены, и появилась возможность более или менее подробно рассказывать о каких-то областях науки, в частности, о ядерной физике.

Эти годы принято называть золотым веком научной журналистики. Это так и в то же время – не так. Действительно, тогда появилось много блестящих журналистов. Но если мы оглянемся на тот период, то увидим: много писали о физике, о космосе, о химии, науках о земле, стали появляться новые издания, рассказывавшие о науке. Но в то же самое время целые пласты науки оставались по-прежнему закрытыми, а имена многих выдающихся ученых до конца 1980-х были фактически неизвестны советскому обществу. Информация о них пробивалась иногда хитрыми путями. Существовала, например, такая форма как «критика» того или иного «буржуазного направления» в науке, многие ученые иногда прибегали к такой форме, чтобы сообщить нужную информацию. А ты уже учишься схватывать между строк: вроде бы читаешь критику, но на самом деле получаешь колоссальную информацию, которую автор пытался донести до своих читателей.

В начале 1990-х было очень трудно с научной журналистикой. Мы тогда потеряли огромное количество научных журналистов, которые уходили в другие сферы деятельности. Это понятно: науке приходилось тяжело, поскольку в стране был кризис, наукой мало кто интересовался, соответственно отделы науки стали повсеместно закрываться, научные издания исчезать, тиражи скукоживаться. Люди повально уходили из научной журналистики.

И тогда мы задумались о создании ассоциации научных журналистов. Базой для нее послужило объединение журналистов, которое организовала замечательный научный журналист Елена Сергеевна Кноре в конце 1980-х, когда в нашей стране разрешили общественные организации. И вот в начале 1990-х, когда научная журналистика переживала тяжелейший кризис, мы возродили эту ассоциацию, зарегистрировали ее уже как российскую, по законам новой страны. Думаю, нам тогда удалось кое-что сделать, чтобы вернуть интерес к научной журналистике: мы стали проводить конкурсы научно-популярных статей, научных фотографий, радио- и телепередач о науке, организовывали научные кафе, мастер-классы, встречи с учеными, поездки журналистов в научные центры других стран. Тогда же появились курсы научной журналистики при некоторых журналах, например, при издании «Химия и жизнь». Это в определенной степени помогло поддержать уровень научной журналистики.

Если говорить о сегодняшнем дне, научная журналистика, как всегда, не может существовать в отрыве от своего времени, она его отражение. И сейчас она переживает серьезнейший кризис, несмотря на то, что становится достаточно привлекательной для многих людей. Здесь нет противоречия: то, что в наши дни называют научной журналистикой, таковой на самом деле не является. Это в лучшем случае научные коммуникации, а точнее пиар, в который вкладываются немалые деньги, они и привлекают многих людей, которые ринулись в нашу профессию. Но к научной журналистике это не имеет никакого отношения. Она сегодня, как и журналистика в целом, переживает очень серьезный кризис, в полной мере испытывает все трудности нашей сегодняшней жизни.

— **Почему научная журналистика сейчас находится в кризисе, кто в этом виноват?**

— Нет, в этом никто не виноват. Так вопрос не ставится. Мы говорили о том, что отличает научную журналистику: она связана

с наукой, а наука всегда связана с поиском смыслов. Вот и научная журналистика занята поиском смыслов, ибо она сродни той сфере, которой занимается. А сегодняшнее время мешает поиску смыслов, оно в нем не заинтересовано. И это необязательно связано с нашим обществом. Я много лет контактирую с Европейским союзом ассоциаций научных журналистов, много лет я вице-президент этого союза, а потому хорошо знаю, что происходит у моих зарубежных коллег. Такой же кризис испытывают во многих странах – с поправкой, может быть, на свои особенности. Скажем в Великобритании традиции научной журналистики довольно глубокие, но и там ощущается этот кризис.

И дело вовсе не в том, что наше время сложнее. А что, в Средневековье науке было легче? Но сегодня, как и в любое другое время, когда общество оказывается на переломе, человек с особой силой ощущает новые барьеры, новые трудности, новые вызовы, на которые надо отвечать. Мы оказались на тектоническом разломе, потому что информационное общество, которое мы представляем, в корне меняет условия жизни человека.

Когда я только пришла в журналистику, у меня было гораздо больше времени задаваться вопросами. Сегодня темп жизни до такой степени ускоряется, а информации становится так много, что вопросы мельчают, а на поиски ответов нет времени. Появление новых средств коммуникации настолько изменило нашу жизнь, что сегодня уже сложно остановиться, оглянуться, задуматься, задаться вопросами. Потому что ты все время торопишься. Не успеваешь осмыслить одну информацию, а для тебя уже готова новая, смыслы ускользают. Сегодня есть возможность постоянно обновлять информацию, но наше сознание не успевает за этим темпом! Неслучайно появился такой термин, как клиповое сознание. Мы не успеваем осмыслить перемены. Научная журналистика, в чем ее принципиальное отличие, должна уметь помогать осмыслению. Но этого практически не происходит...

Научный журналист – дилетант в самом положительном смысле этого слова, то есть человек, умеющий брать основы той или иной науки и рассказывать о ней и общаться с учеными.

— **А есть ли сейчас спрос на профессию научного журналиста?**

— Как ни странно, эта профессия становится модной. Что же касается спроса на нее, – большой вопрос. Часто вижу объявления о наборе в очередную «школу научной журналистики», за которую, кстати, надо заплатить немалые деньги! Вот и недавно попало на глаза: «Впервые! Первые выпускники магистратуры! Готовим научных коммуникаторов». Авторов объявления не интересует, что в свое время такая магистратура уже была создана в Московском, в Санкт-Петербургском университетах. Это как раз то, о чем говорила: информации много, но ее уже не осмысляют, пролетают мимо. И часто не прилагают усилий, чтобы узнать, что было до них. Это уже не просто упрощение и не просто дилетантство, это обеднение действительности. Сегодня здесь и там, как грибы, растут школы или курсы научной журналистики, где обещают за 10 или сколько-то еще занятий обучить «приемам мастерства». Ну, можно обучить каким-то навыкам ремесла, потому что любая профессия включает в себя и основы ремесла – в самом высоком смысле. Но за такой срок погрузиться в профессию так, чтобы овладеть «приемами мастерства», – утопия!

Понимаете, журналистика – такая счастливая профессия, в которую можно прийти, не окончивая университета. Формально можно не иметь высшего образования, но стать хорошим журналистом. А образование можно получить, читая книги, постоянно узнавая новое, занимаясь саморазвитием. Но любая журналистика, не только научная, должна в себе сочетать две принципиальные вещи,

журналист должен обладать двумя главными качествами: он должен быть умным и образованным человеком, и он должен владеть словом – уметь писать или говорить. Если у тебя есть только одна из этих составляющих – это не журналистика, потому что можно обладать колоссальными познаниями и не уметь это выразить, не уметь зажечь другого человека своим словом. А можно очень красиво писать, красиво говорить, но за всем этим не будет никакого смысла и содержания. И тогда это элементарная графомания.

Сегодня часто путают (и не только в нашей стране) два разных понятия: научная журналистика и научная коммуникация. Довелось присутствовать не раз на жарких спорах между научными коммуникаторами и научными журналистами. В этих спорах нередко возникает вопрос о том, кто может быть научным журналистом. Люди, которые пришли в журналистику из научной сферы, любят ругать факультет журналистики и говорить, что научным журналистом может стать только человек, который получил естественнонаучное, а не журналистское образование. Это заблуждение.

Конечно, у выпускника мехмата есть то преимущество, что математика хорошо конструирует мозги, приучает к логике. Обучение на физическом факультете дает широкий горизонт. Но, допустим, ты окончил мехмат, физический, биологический или психологический факультет и хорошо разбираешься в конкретной области науки, это не значит, что сможешь писать о другой области знаний. Такой человек, если он владеет словом, будет, возможно, хорошим научным коммуникатором, который способен интересно и популярно рассказывать о своей области науки. А если ты научный журналист, должен уметь рассказывать о самых разных областях науки. С этой точки зрения научный журналист – дилетант в самом положительном, высоком смысле этого слова, он погружается в разные темы, общается с представителями разных областей науки. А чтобы твои статьи не были поверхностными, надо все время пополнять свои знания. Есть прекрасный способ: надо читать книги, причем читать не популяризаторов, а первоисточники. Надо постоянно просма-

тривать научные журналы, по возможности бывать на научных конференциях, даже если ты ничего не собираешься написать, как говорится, «в номер». Это все откладывается в багаж, составляет тот *background*, который позволяет соответствовать своей профессии.

Сегодня этого, к сожалению, все меньше. Конечно, это зависит, прежде всего, от отношения к делу. Но изменилась и среда, в которой существует журналистика. Развитие информационных технологий, которые, безусловно, очень помогают в работе, сыграли с ней злую шутку. Скажем, я пришла в журналистику, когда диктофоны были огромной редкостью, а сегодня и помыслить невозможно, что ты идешь на интервью без диктофона. Персональных компьютеров тоже не было, и это очень замедляло, затрудняло работу, хотя мы тогда и не знали, что ее таким образом можно облегчить. В распоряжении журналиста были блокнот и ручка, и это заставляло память активно работать, журналист лучше запоминал, схватывал больше деталей, тщательно вдумывался в слова, заносимые в блокнот. Потому что знал: если что-то не понял или забыл, потом это будет трудно воссоздать.

Сегодня мы все больше доверяемся технике, перекладывая на нее ту активную работу мозга, без которой нет настоящей журналистики. Я со своими молодыми сотрудниками проводила такой жестокий эксперимент: на первые интервью не позволяла брать диктофон. Это был хороший урок, потому что начинающий журналист усваивал: когда ты не полагаешься на технику, больше слушаешь собеседника, больше вдумываешься в его слова. Конечно, я не призываю отказаться от диктофонов и прочей электроники! Техника – великая вещь, и возможность быстро найти нужную информацию в Интернете – огромное благо. Но надо уметь распоряжаться этим богатством не в ущерб своей квалификации и своим знаниям! Между тем мы все чаще сталкиваемся с тем, что за научную журналистику выдают информацию, которую «схватили» где-то в Интернете. Сегодня информации много, очень много! И вот появилось немало людей, которые называют себя научными журналистами только потому, что «пережевывают» информацию на темы

науки. А ведь эти люди никогда не были в лаборатории, ни разу не встречались с учеными. Они элементарно не готовы к такой встрече, потому что привыкли брать какую-то готовую информацию. Она проходит через них, не оставляя никаких зарубок в памяти или на сердце, не прибавляя знаний, не откладываясь в багаж. Отсюда поверхностность, благо глупости, а то и серьезные ошибки.

Вот характерный пример. Совсем недавно появилось сообщение пресс-службы очень уважаемого ведомства о том, что синтезированы новые сверхтяжелые элементы. Далее говорилось о том, что Объединенный институт ядерных исследований в Дубне обратился с предложением присвоить такому-то элементу имя такого-то ученого, и это название также приводилось в пресс-релизе. Мало того, что в нем упоминались элементы, которые еще не синтезированы, информация просто не соответствовала действительности и ставила в ложное положение как уважаемый институт, так и замечательного ученого. Но многие газеты, агентства, интернет-порталы даже не подумали усомниться в пресс-релизе министерства и растиражировали его. Институт был вынужден разослать опровержение, но его мало кто обнародовал. Зато из издания в издание, с сайта на сайта отправилась ложная информация. Здесь самое неприятное, что речь идет о нашем великом физике, который много лет занимается синтезом новых сверхтяжелых элементов, в этой области отечественная наука действительно многого достигла, и это замечательные исследования, о которых надо рассказывать. Между тем растиражировали глупость, а потом, вместо того, чтобы извиниться, стали ерничать над институтом и ученым. Вот это уже никак не может называться научной журналистикой, это уровень желтой прессы.

— **В чем заключаются особенности общения журналиста с ученым?**

— В общем-то, правила те же, что и при общении журналиста с человеком другой профессии. И все же ученые – народ специфичес-

кий. Ученый не будет с тобой разговаривать, если почувствует, что ты пришел, не подготовившись, без знания предмета, в расчете, что тебе выдадут готовый материал. К любой встрече надо готовиться, а к разговору с ученым – особенно. Это первое. Второе: есть ученые, к которым любят ходить журналисты, любят их записывать, приглашать на телевидение, потому что те умеют говорить гладко и красиво. Вот ты его записал, потом расшифровал – и выдаешь статью. Нередко такие ученые – то, что называется «коммуникаторы», они хорошо умеют рассказывать о том, чем занимаются другие, а сами мало что сделали в науке. Хотя есть и блестящие исключения, когда крупный ученый обладает, к тому же, даром понятным и доступным языком рассказывать о своей науке. Но это редкость, чаще всего ученый говорит на языке, малопонятном обычному человеку. И вот почему еще очень важно готовиться к встрече, тогда тебе понятнее то, о чем говорит ученый. А если понятно тебе, ты сможешь рассказать об этом читателю. И не надо стыдиться задавать вопросы. Задать вопрос, если что-то непонятно, это не стыдно. Стыдно – если не понял, а потом неправильно написал.

Таким образом, особенность общения с ученым в том, что это требует от журналиста обязательной подготовки. И умения переводить с языка науки на язык обычного человека. Здесь трудность еще в том, чтобы в таком переводе не допустить упрощения, при котором теряется сам смысл. Иными словами, тебе надо доступно и интересно рассказать о том, что, на первый взгляд, совершенно не доступно для понимания и не интересно непосвященному человеку.

— **А как Вы считаете, должны ли сами ученые иметь коммуникативные навыки, чтобы улучшить общение с журналистами?**

— Наверное, многие ученые возражали бы против слова «должны». Но, в общем-то, они должны. Если ученый хочет получить поддержку своим исследованиям, он должен привлекать к ним

внимание. К сожалению, в нашей стране такая логика редко работает, ученый, как правило, не ощущает те нити, которые связывают результат научной работы с его применением на практике. Экономические рычаги до такой степени не задействованы, что у ученого не возникает потребности рассказывать о том, чем он занимается. В нормальном обществе, где экономика работает правильно, такая связь существует. Ученый понимает: то, что он делает, оплачивается налогоплательщиком или оплачивается частным лицом, и в том, и в другом случае надо объяснять, во имя чего эти деньги расходуются. Ученый должен рассказывать обществу, чем он занимается, чтобы общество прониклось важностью его работы и голосовало за нее, способствовало тому, чтобы в науку шли деньги, чтобы она материально поддерживалась.

С другой стороны, ученому важно рассказывать о том, чем он занимается, чтобы молодое поколение пошло по его стопам, захотело прийти в науку, чтобы заниматься научными исследованиями. Это, кстати, было одним из мотивов появления фестиваля науки, организации и развитию которого в нашей стране способствовала, в том числе, ассоциация научных журналистов. Сегодня фестивали науки стали повседневностью, они проводятся почти в каждом регионе страны. А начинались они в Московском университете, благодаря его ректору – Виктору Антоновичу Садовничему, который искал новые формы продвижения науки, и как раз встречи с научными журналистами помогли ему узнать об этом формате, который к тому времени стал получать распространение во многих странах. Мы провели первый фестиваль науки в 2006 году силами Московского университета, после чего фестивали науки стали проводиться во многих регионах России. Цель – рассказать обществу, чем занимаются ученые, помочь молодежи оценить красоту и важность науки. Успех фестиваля науки обусловлен, прежде всего, активным участием ученых. У них есть потребность рассказывать о своей работе. Другое дело, что ученый, к сожалению далеко не всегда чувствует востребованность своей

работы. И пока это так, ему трудно согласиться с этим словом – «должен»...

К сожалению, в нашей стране экономические нити, связывающие результат научной работы с тем, как этот результат найдет применение в жизни, настолько разорваны, что у ученого нет потребности рассказывать о том, чем он занимается. В нормальном обществе, где экономика работает правильно, эта связь существует. Ученый понимает: то, что он делает, оплачивается налогоплательщиком или оплачивается частным лицом, и в том, и в другом случае надо объяснять, во имя чего эти деньги расходуются. Ученый должен рассказывать обществу, чем он занимается, чтобы общество прониклось важностью его работы, голосовало за нее, способствовало тому, чтобы в науку шли деньги, чтобы наука материально поддерживалась.

— **Какие советы Вы можете дать молодым научным журналистам?**

— Совет, наверное, простой: читать книги, как можно больше читать! И работать над собой. Это трудная профессия. Но она трудна в той же степени, что и любая другая профессия, если заниматься ею всерьез. Я уже говорила: чтобы стать научным журналистом, обязательно оканчивать университет, необязательно получать диплом. Но в то же время надо учиться постоянно, если ты хочешь быть научным журналистом, надо постоянно пытаться узнавать что-то новое, не останавливаться в своем развитии. Это важно, повторяю, для любой профессии, но для научного журналиста – особенно. И еще очень важно, чтобы ученому было интересно разговаривать с тобой! Важно, чтобы у тебя в научном мире была определенная репутация. Если ученому с тобой интересно, то интересно будет

и твоему читателю, слушателю, зрителю. И чем интереснее твоему слушателю, зрителю, читателю, чем интереснее тебе с самим собой. Ты состоишься в профессии.

Это профессия, в которой никогда нельзя сказать, что достиг вершины, стал мэтром, который может учить других. Я очень была смущена, когда мне сказали, что это интервью нужно для учебного пособия. Столько лет проработала в научной журналистике и, тем не менее, мне было как-то не по себе: неужели я могу чему-то научить? Наверное, главное, когда ты всю жизнь учишься сам, тогда, может быть, чему-то научатся и у тебя...

Нодар Лахути – научный журналист, редактор портала «Научная Россия».

Редактор новостной ленты портала «Вокруг света» (2007-2012), редактор онлайн-версии «Журнала РБК» (2011-2012), корреспондент портала ПРАВО.RU (2012-2013).

— **Как пришли в научную журналистику?**

— По случайности. Вообще я по образованию историк, учился в аспирантуре в Институте всеобщей истории. В 2006 или 2007 году меня пригласили в «Вокруг света», писать для них новости. А поскольку журнал «Вокруг света» – это научно-популярный журнал, так ноготок мой увяз и птичка пропала. Мне даже сложно выделить какой-то партикулярный момент, когда я оказался научным журналистом. Боюсь, ответ покажется несколько неопределенным, но уж какой есть.

В научной журналистике нет места намекам.

— **Есть ли какая-то разница между научной журналистикой и другими направлениями журналистики?**

— Я бы выделил три пункта. Во-первых, в научной журналистике нет места намекам. Это удобный прием, но в научной журналистике это не имеет смысла, это выглядит глупо и как-то неуважительно по отношению к читателю. Наука предполагает определенность.

Во-вторых, в научной журналистике особенно ярко видна разница между требованиями экономики журналистики и журналистики как таковой. Научная новость требует точности, аккуратности, полноты изложения, с одной стороны. А с другой, есть экономика редакции, которая хочет выложить новость первой. Как этот конфликт решается, зависит уже от редакции.

И третье – в отличие от любой другой журналистики, научная журналистика не создает новую информацию. Чтобы была понятна моя мысль, возьмем политическую журналистику. Вот журналист что-то разузнал и пишет об этом новость или заметку. И мы обнаруживаем, что через некоторое время этот материал сам становится

историческим источником. В научной журналистике этого в принципе не может быть. Если научный журналист придумывает что-то свое, то он плохой научный журналист.

— А кому вообще нужна научная журналистика? Каковы цели, миссия научной журналистики?

— Я бы начал с того, что это интересно. Рассказывать об интересном – это миссия сама по себе. Это осмысленное занятие.

Далее я бы, наверное, сказал, что это просвещение. Ведь невежество – это страшная сила. И она зависит от человека, она не зависит от доступности информации.

К примеру, в XVIII веке крестьяне, когда Петр Первый (а потом Екатерина II) распространял картошку, ели наземную часть и получали отравления. Про то, что надо есть клубни, они просто не знали. Можно говорить о том, что они были не умные, они не знали ничего и вообще у них не было газет. Но ведь и сейчас, в XXI веке, люди боятся вакцин, хотя вакцина спасает жизнь. Люди боятся генно-модифицированных продуктов. Чего только люди не боятся и страхи эти рождаются совершенно на пустом месте – и это говорит нам о том, что проблема в человеке, в его типе восприятия.

Это очень важно, чтобы люди знали элементарные вещи, скажем, что нельзя лечить грипп антибиотиками. Казалось бы, это тоже общее место, а тем не менее, это не общее место, люди регулярно на этом спотыкаются.

Далее я бы сказал, что научная журналистика не просто расширяет кругозор читателей и зрителей, она дает им выбор – особенно когда речь идет о детях и подростках в период, когда они думают, кем станут, пройдя период желаний стать космонавтом. И вот научная журналистика дает еще кучу вариантов того, чем еще можно было бы заняться.

Обычно об этом говорят с точки зрения государственных интересов, мол, «нам выгодно привлечь в науку людей». Но это не самое главное, главное, чтобы людям было, куда пойти, был выбор вариантов карьеры, в том числе и научной.

И наконец, последнее по порядку, но не по значению – это необходимость воспитания уважения к объективной реальности, к факту. Тому, что в народной пословице формулируется как «три женщины вместе не смогут выносить ребенка за три месяца». Придется ждать девять месяцев.

Между тем мы видим, что довольно много людей, особенно среди принимающих важные решения, склонны думать, что им подвластно все. Но это не так и мы все страдаем из-за некомпетентных решений. Вот мне кажется, что в данной обстановке это самое важное. Есть «объективная реальность», при всей условности этого понятия. А наука занимается устройством мира и рассказывает нам об этом – в том числе и о девяти месяцах, которые приходится ждать всем без исключения.

Научная журналистика требует точности, аккуратности, полноты изложения.

— **Вы уже достаточно давно в профессии журналиста. Как за последние 15-20 лет изменилась профессия научного журналиста?**

— Тут есть две стороны вопроса. С одной стороны, она появилась как массовая. 30 лет назад ее не было в качестве массовой. Сначала в Европе и в Америке стали об этом задумываться в 90-е годы, потом волна пошла у нас. Поэтому сложно сказать насчет 20-ти лет. Я даже не уверен, что она вообще сильно изменилась, потому что основные ее принципы: достоверность, доходчивость – остались прежними.

Да, у нас появилось гораздо больше технических средств – компьютеры, инфографика, анимация, сложные съемки. В этом смысле она изменилась, но по существу, мне кажется, все примерно то же самое.

Появилась массовость и появился некий средний слой (в профессии). Это очень хорошо, потому что отсюда вырастут яркие личности.

— **Ну, возможно, появились какие-то проблемы, связанные с веком информационных технологий?**

— Эта проблема, думаю, не специфична для научной журналистики. Применительно к последней проблема возросшего информационного потока в том, что людям трудно козлиц от агнцев отделить. Это главная проблема на самом деле, связанная с информационным обществом. И это повышает требования к манере общения с читателем или зрителем, это требует большей уважительности по отношению к нему.

Необходимо воспитывать уважение к объективной реальности, к факту.

— **А как вы считаете, есть ли сейчас спрос на профессию научного журналиста? Стоит ли молодым журналистам, молодым ученым идти в эту профессию?**

— Я думаю, что, несомненно, да и ещё раз да. Что касается спроса в чистом виде, мы видим новую экономику, которая рождается на наших глазах на достижениях науки последних лет 15-20, в первую очередь в области биотехнологий, в области космоса. Эта новая экономика требует нового подхода в распространении знаний о себе. Это очень важно. «Как рассказать людям о том, чем мы занимаемся?»

Я бы перешел к теме карьерных перспектив, потому что это тоже важно. Дело в том, что хороший научный журналист умеет много всего и за пределами собственно журналистики. Он всегда немножко аналитик, он умеет искать и впитывать информацию, де-

лять ее яркой, он умеет ее доходчиво представить. Это очень важная вещь – доходчивость.

Поэтому научный журналист имеет перед собой много карьерных путей, даже если так получилось, что он ушел из именно этой узкой профессии. Я думаю, что это дает человеку набор компетенций, навыков, которые расширяют его возможности на рынке труда.

— **А помимо этих компетенций, возможностей, навыков, какие условия нужны для того, чтобы стать хорошим научным журналистом?**

— Условия человек должен создавать сам себе. Научный журналист воспитывает себя сам. Первое, что нужно журналисту – это уважение к своим источникам. Мы, очевидно, будем еще говорить о проблемах с учеными. Рассказать что-то человеку, заинтересованному в тебе, гораздо легче, чем человеку, который считает, что он пуп земли и оказывает благодеяние уже тем, что пришел и вообще захотел что-то у тебя спросить.

То же самое и с читателями. Читатели, как правило, чувствуют, как к ним относятся. Если их считают идиотами, им это закономерно не нравится. Если их считают чересчур умными, читатель тоже это чувствует и, соответственно, миссия не выполняется. Человек сделал свою работу, получил зарплату на какое-то время и все, он остался бесплодным.

Уважительность эта проявляется в добросовестности к подходу в получении информации, в ее форматировании. В первую очередь, нужно поставить себя на место человека, который будет тебя читать, слушать или смотреть. Это, казалось бы, совершенно общее место, но, тем не менее, я вижу, что очень многие этим пренебрегают.

Человек, воспитавший в себе все эти свойства, имеет шанс сделаться хорошим научным журналистом. Потому что дальше все из этого следует.

- **Допустим, он сделал себя хорошим журналистом, умеет писать научные тексты, какие у него в таком случае карьерные возможности?**

— Первое, что приходит на ум, это, конечно, пиар-отделы многообразных компаний и собственно научных заведений. А в развивающейся новой экономике их будет все больше. Далее, есть правительственная служба. Всегда будут такие службы, как бы они не назывались и какой бы ни был строй, государство всегда будет курировать науку, в той или иной степени. Даже в самой либеральной экономике.

Остальное выходит уже за пределы научного и околонучного. Человек может использовать навыки, полученные им по ходу развития его в профессии для чего-то совсем другого. Например, может сделаться аналитиком, потому что он умеет быстро впитывать информацию, выстраивать ее в голове и затем доходчиво излагать. Это как иметь набор инструментов, довольно универсальный, на самом деле.

- **Главным источником информации для научного журналиста являются ученые, но с учеными иногда бывает сложно найти общий язык. Как завоевать доверие ученых и добиться той информации, которая тебе нужна?**

— Я опять же скажу про уважительность, и она начинается до момента первого контакта, когда вы подняли трубку, перешагнули порог, включили скайп, написали письмо, все, что угодно. Первое, что вы должны сделать, когда собираетесь говорить с ученым – это не полениться и потратить хоть немножко времени на то, чтобы познакомиться с тем, чем он занимается и с предметом, о котором вы хотите поговорить. Ну хоть бы Википедию можно почитать.

Потому что, когда ученый видит перед собой человека, который вообще не понимает, о чем идет речь, ему становится жаль потерянного времени. И он совершенно прав. Итак, первое – это подготовка.

Оговорюсь, что это общее место, это относится не только к журналистике, и надо понимать, что быть всегда готовым ко всему невозможно. Именно поэтому нужно быть готовым в последнюю секунду что-то быстро-быстро посмотреть. Опять мы возвращаемся к навыку быстрого впитывания информации – все взаимосвязано.

Второе: человек должен быть самим собой, в профессиональном смысле. А в профессиональном смысле журналист – это его читатели, его зрители, слушатели. Он должен быть не слишком умным. К примеру, научный журналист пришел в журналистику из физики и берет интервью у физика – он может пропустить массу подробностей, которые ему самому хорошо известны. Но ведь они совершенно не известны большинству его читателей. Это тоже нужно учитывать.

С другой стороны, не стоит задавать совсем глупые (или чересчур популярные) вопросы – ученому станет совсем скучно и вы рискуете получить такие же ответы. Нужно вести разговор почти на равных – ученый знает больше, поэтому он чуть более равный, так сказать, чем журналист. Тем не менее, журналист должен участвовать в разговоре, а не быть машиной, которая по списку задает вопросы. Ученые, как правило, не привыкли давать интервью и этот жанр для них труден.

Поэтому так важно, чтобы интервью имели вид именно разговора, беседы. Именно поэтому так важна подготовка, потому что вы не сможете поддерживать беседу, если ничего не знаете. Но если вы сумели человека разговаривать, как собеседника, то вы имеете все шансы получить благодарный источник информации еще и на будущее.

Далее, когда вы получили эту информацию, ее надо обрабатывать очень уважительно, хотя иногда приходится резать текст, конечно. И тут нужно ставить себя на место человека, с которым вы разговаривали – представьте, каково было бы вам, если бы вашу речь вот так изменили. Скажем, бывает, что человеку приписывают совершенно не его стилистику.

Это важно, на самом деле, для ваших будущих отношений. Вам еще, может быть, не раз придется ему позвонить, попросить комментарий, какую-то экспертную оценку, взять интервью, попросить помочь организовать экскурсию, да все, что угодно.

Все это, мне кажется, описывается понятием «уважительность». Если вы ее проявляете, уважаете ученого и себя, то у вас есть все шансы наладить прекрасные отношения с ученым, который будет понимать, что он не просто встретил приятного человека, а человека, который внятно способен изложить то, чем он занимается. А ведь нам всем (почти всем) хочется рассказать, чем мы занимаемся, хочется рассказать про себя. Для ученого наука – это отчасти он сам.

Первое, что вы должны сделать, когда собираетесь говорить с ученым – это не полениться и потратить хоть немного времени на то, чтобы познакомиться с тем, чем он занимается и с предметом, о котором вы хотите поговорить. Потому что когда ученый видит перед собой человека, который вообще не понимает, о чем идет речь, ему становится жаль потерянного времени.

- **Но даже если журналист сумел хорошо подготовиться к интервью с ученым, все равно останутся какие-то вещи, которые ему непонятны. Может быть, здесь уже дело за учеными. Какие у них должны быть коммуникативные навыки?**

— Это сложный вопрос, потому что у меня все-таки другая профессия. И, может быть, отклоняясь немного в сторону, я скажу, что следовало бы сделать какие-то пособия или курсы для ученых. Умение разговаривать с журналистами и публикой как особый талант

у кого-то есть от природы, но у большинства такого природного таланта нет.

Однако большинству навыков можно научить, как ремеслу. Как журналистов учат ремеслу, так и ученые могут научиться ремеслу общения с людьми не своего круга. И в этом смысле общение с журналистом есть большое подспорье, потому что там можно отточить эти навыки.

Как объяснить человеку, который не специалист в его области, то, чем он занимается? Почему то, чем он занимается, интересно? Почему это открытие, которое незнающему человеку кажется мелким, на самом деле важно? Почему в здании науки, в нашей огромной картине мира, вот эта «мелочь» на самом деле не мелочь, потому что она отзывается во многих других частях этой картины?

Какие специальные навыки должны быть у ученых? Наверное, как и у всех остальных, кто хочет рассказать о том, чем он занимается – как объяснить термин, как выбрать метафору... Просто нужно понимать, что есть разный уровень понимания, простите тавтологию. Что есть люди, которые мало что знают про вашу сферу. Нужно ее уметь привязать к реальности, не отрываясь от самого себя, не пытаясь механически объяснить все подряд.

В детстве у меня была книжка для младших школьников, изданная еще в начале 1950-х, называется «Рассказы о том, что тебя окружает». Собственно, там были рассказы о том, что меня окружает – о явлениях природных и не природных, зачем они и как действуют. Так вот, применительно к нашему разговору – там были места, где явно заходила речь о том, чего пятиклассник знать не может. В таких случаях авторы не пытались на пальцах объяснить то, что на пальцах объяснить довольно сложно. Они прямо говорили, что это пока тебе сложно, но ты это узнаешь в таком-то классе, когда пройдешь такой-то предмет. Мне кажется, это очень правильно.

Это тоже по части уважительного отношения к читателю и к ученому и уважительного отношения ученого к публике и к журналистам. Понимание, где пределы компетенций, где пределы воз-

возможностей людей, с которыми вы общаетесь. Умение сказать, что вот это объяснить очень нелегко или невозможно, примите это, так сказать, как «черный ящик», а мы пойдем дальше в нашем рассуждении.

Ведь всякий рассказ о науке – это всегда рассуждение, цепочка, так сказать, плотно упакованных силлогизмов.

Как журналистов учат ремеслу, так и ученые могут научиться ремеслу общения с людьми не своего круга.

- **Что бы Вы, основываясь на собственном опыте, могли пожелать, посоветовать начинающему научному журналисту или просто журналисту?**

– Первым делом, конечно, в голову лезут банальности, насчет добросовестности и так далее. Я бы посоветовал в первую очередь думать о том, что интересно. Это определенный психологический навык – сделать так, чтобы было интересно то, что еще 10 минут назад казалось скучным. Этому можно научиться волевым усилием, прилагая его систематически. Или так – если человек пишет о науке, он может научить себя быть любопытным.

Если же человек совсем лишен любопытства, то, быть может, ему нужно искать другую работу. На мой взгляд, это самое главное, что должно быть у научного журналиста, да и журналиста вообще, в качестве медиума, так сказать, – это любопытство, желание знать, желание разобраться, «как же оно работает, как оно устроено».

Потом уже следуют добросовестность, пресловутая уважительность, о которой я уже говорил раз 15. Честность по отношению к самому себе, понимание, где я не могу понять просто потому, что я не знаю, другое образование, например. Вот, наверное, главное, о чем бы я хотел сказать.

Любовь Стрельникова –

кандидат химических наук, главный редактор журнала «Химия и жизнь», член Международной ассоциации журналистов и Европейской ассоциации научных журналистов, вице-президент некоммерческого партнерства «Содействие химическому и экологическому образованию».

Создатель и главный редактор первого в России агентства научных новостей «ИнформНаука» (1999–2009). Ведущая ежедневной программы о науке «Темная материя» на радио «Маяк» (2006).

Преподаватель факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Создатель авторского курса для Школы-студии научной журналистики при журнале «Химия и жизнь».

Автор научно-популярной книги «Из чего все сделано? Рассказы о веществе».

— **Любовь Николаевна, расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в научную журналистику?**

— Это было давно. Я по профессии – химик, закончила Менделеевский университет, тогда он, правда, назывался по-другому, а мы, студенты, называли его Менделавочкой. Пять лет после окончания института проработала исследователем, а потом линия моей жизни сделала резкий поворот и привела в журналистику. Не случайно, конечно. Склонность к исследованиям и расследованиям, к писательству преследовала меня все школьные годы и все те годы, пока я училась в институте. Это случилось больше тридцати лет назад. Я сменила профессию, но надо сказать, что мое системное естественнонаучное и техническое образование мне очень помогает. Все эти годы я верой и правдой служу этому замечательному делу под названием научная журналистика.

— **А Вы когда-нибудь занимались другой журналистикой? Другим тематическим видом?**

— Вы знаете, всякое деление на разные виды журналистики – это условности. Есть журналистика. Есть ремесло «журналистика», которое существует по своим законам, у которого есть свои этические нормы и правила. Все остальное можно называть как угодно в зависимости от тематического поля, в котором работает журналист, но в принципе это одна и та же журналистика. Я, конечно, не возьмусь за какую-то политическую или экономическую историю, но, в принципе, писать об обществе – никаких проблем. Хотя, если надо, смогу и про политику, и про экономику, просто потрачу на это неадекватно много времени, чтобы основательно погрузиться в тему. Мой жизненный и профессиональный опыт позволяет мне сегодня писать обо всем и в любом жанре. Однако мое любимое занятие – писать о науке и заниматься ее популяризацией в самых разных формах.

— **В чем разница между научной журналистикой и другими тематическими видами журналистики?**

— Разница большая. Вот лишь два существенных обстоятельства, на которые я хотела бы обратить внимание. Первое и очень важное: научная журналистика – это истинно новостная журналистика. Все, о чем пишут сегодня в газетах и журналах, показывают по телевидению, давно уже не новость: катастрофы, предательства, коррупция, подлость человеческая, алчность, воровство и прочее... Ничего в этом нового нет – это было всегда. Истинно новое знание добывает наука, а журналисты передают его обществу. В этом смысле научная журналистика самая новостная, она производит настоящие новости.

Второе важное отличие заключается в том, что научная журналистика элитарная. В каком смысле? В очень простом. Научный журналист в силу своей профессии работает и взаимодействует с научным сообществом, с лучшими его представителями. Именно они – настоящая элита общества, и быть рядом с ними, быть рядом с умными, талантливыми, мудрыми людьми, – великое счастье. В этом смысле научная журналистика, конечно, элитарная. Не говоря уже о том, что своими трудами мы удовлетворяем потребности, в первую очередь, интеллектуальной части всей читательской аудитории.

— **Какая цель у научной журналистики?**

— Да такая же, как и у любой журналистики: докапываться до истины в той мере, в какой позволяет сегодня наука и здравый смысл, и доносить ее до читателя.

— **Как изменилась научная журналистика за последние 20 лет?**

— Начнем с того, что за последние 20 лет радикально изменилась наша жизнь вообще – ее образ, ее темп, ее ценности (к сожалению). Поэтому журналистика не могла не измениться. 20 лет назад

чудовищный удар столкнул научную журналистику в пропасть. Во-первых, сама российская наука, питающая научную журналистику, начала стремительное падение: рушилась система финансирования исследований, из страны уезжали яркие ученые, закрывали институты и лаборатории, профессия ученого перестала быть престижной и хорошо оплачиваемой. В российской науке начался затяжной системный кризис, который не преодолен и по сей день. И очень быстро молодежь отвернулась от науки. Во-вторых, появились желтые издания и много чего еще, чего не было в советское время. Эти издания, создаваемые по западному шаблону, производили фаст-фуд, изготовление и чтение которого не требовало умственных и интеллектуальных усилий. Возникла иллюзия, что открылось новое информационное пространство, которого не было прежде. Увы, это была всего лишь иллюзия. Так научная журналистика скатилась на обочину и как-то 20 лет там существовала. Но надо отдать должное нашим классическим журналам, таким как «Наука и жизнь», «Знание-сила», «Химия и жизнь», которые, несмотря ни на что, сохранили традиции, сохранили издание и свою читательскую аудиторию.

Однако за спадом всегда следует подъем, обычно с интервалом в 20-25 лет. И сегодня мы наблюдаем тот самый подъем в научной журналистике, который выражается не только в нарастающем вале публикаций о науке и ее героях в различных видах СМИ – электронных и классических, на телевидении и на радио. Мы видим, что популяризация науки, а научная журналистика – это один из фундаментальных инструментов популяризации, сегодня приобрела невероятное разнообразие форм. Что только сейчас не придумали, чтобы науку продвинуть: фестивали научного кино, выставки *Science Art*, научные кафе, публичные лекции, научные бои, новые музеи и различные *Science Centers* для детей, фестивали науки во всех городах. Кстати, спасибо Университету, который заложил традицию Фестиваля науки 10 лет назад и постепенно распространил ее в регионах России. В общем, невероятное какое-то разнообразие.

При чем здесь, спросите, научная журналистика? Вот это все, о чем я сейчас сказала, начинается с текста. Вообще, любой вид деятельности начинается с текста. Если деятельность направлена на популяризацию, пропаганду науки, значит, эта деятельность начинается с научно-популярного текста. А это значит, что востребованность научного журналиста сегодня становится совершенно другой.

— **А сейчас, несмотря на то, что научная журналистика приобрела такое многообразие форм, есть ли у нее какие-то проблемы?**

— Ха! Если нет проблем, значит нет жизни. Потому что жизнь – это постоянное преодоление проблем и препятствий. Глобальные проблемы в научной журналистике те же самые, что и в журналистике в целом. Прежде всего это – кризис доверия, я бы так сказала. Ученые со своей удивительной, необычной, закрытой для обывателя жизнью – это совершенно особая часть общества, которая живет по своим законам. В сущности, общественное мнение ученых не волнует и не интересует, у них другие критерии оценки их деятельности. Для ученых важна дискуссия внутри научного сообщества, а вовсе не за его пределами. И вот представьте, что ученого приглашают на телевидение, записывают его рассуждения и его точку зрения, потом монтируют и склеивают запись так, что меняют его посыл на противоположный в интересах драматургии передачи. Таких случаев много! Мне очень часто звонят с разных ТВ-каналов и просят порекомендовать какого-нибудь ученого для разговора на ту или иную тему. Я перестала давать контакты, потому что несколько раз по моим рекомендациям приглашали людей, и потом мои протеже были в панике от чудовищного результата взаимодействия со СМИ. Понимаете, репутация – это то, что мы зарабатываем годами тяжелым, честным, повседневным трудом, но потерять ее можно в считанные минуты. Сегодня, к сожалению, наша пресса, журналистика, зачастую работают на уничтожение репутации ученых. Редакционная политика многих изданий, формируемая вла-

дельцами СМИ, требует от журналистов скандалов, жареного, разоблачений – всего того, что противно душе ученого. Не удивительно, что многие исследователи не хотят сотрудничать со СМИ.

— А кто может стать хорошим научным журналистом или кто должен стать хорошим научным журналистом: ученый или журналист по профессии?

— Это вечный вопрос. Сегодня наука невероятно сложна. Вот последнее нашумевшее открытие – зафиксированы гравитационные волны. Невероятно сложная тема, огромное количество дискуссий стоит за этим. Как разобраться в этом, не зная основ? Сегодня научный журналист должен быть очень образованным человеком. Во-первых, он должен многое знать, во-вторых – уметь аналитически мыслить, понимать физический смысл всего и включать здравый смысл. Чтобы журналисту разговаривать с исследователями и учеными на одном языке, он должен владеть терминологическим аппаратом, чтобы хотя бы понимать, о чем идет речь. Поэтому широкая эрудированность, аналитические мозги и в идеале научное образование – необходимые условия для профессии.

Действительно, успешные научные журналисты, на Западе и у нас, – это люди, которые вышли из научной среды. Сегодня блестящие научные популяризаторы, скажем, астрофизик Сергей Попов, математик Николай Андреев, антрополог Станислав Дробышевский, математик Александр Соколов – это ученые, которым интересно рассказывать о науке просто и увлекательно и которые замечательно это делают. На самом деле, научным журналистом может стать любой, кто захочет, и ради этого «хочу» все преодолеет: выучится, мозги свои поставит и будет копать, копать и копать. Хотя таких людей не так много, как нам кажется.

Вообще между научным журналистом и ученым можно поставить условный знак равенства – и те, и другие работают ради поиска истины. И те, и другие занимаются исследованием мира, в котором мы живем. Настоящий ученый, как и настоящий журналист,

обладает сумасшедшей, острой любознательностью, желанием ответить на вопросы «почему?» и «как?», азартом погони за результатом. Если в вас это есть, если вы готовы докапываться до глубин, не принимать на веру и идти вперед, то из вас получится отличный ученый и научный журналист.

- **Вы сказали, что научный журналист и ученый должны говорить на одном языке. И все же иногда журналисту бывает трудно понять ученого. Есть ли какие-то особенности общения журналиста и ученого как источника информации? Как завоевать доверие ученого?**

— Здесь нет никакого специфического совета. Это совершенно житейская история, как завоевать доверие вообще. На самом деле очень просто: честно работай и держи слово. Обманешь разочек – и не будет никакого доверия. Честно говоря, я не очень понимаю, почему журналисты сопротивляются такой совершенно естественной процедуре, как согласование финального текста – это же в интересах автора текста! Если ты покажешь финальный текст интервью, какой-то заметки или аналитического материала тем, с кем беседовал, они уберут ошибки по существу, и это только тебе в плюс – ты должен спасибо сказать. Но часто как раз на это и не хватает времени. У нас в журнале это традиционно жесткая процедура. Но у нас ежемесячное издание и мы обязательно все материалы для печати согласовываем со всеми, кто был источником информации или чью статью мы редактировали. Нам не хочется причинять людям возможные неудобства и ставить их в неловкое положение после выхода материала с искаженным смыслом. Поэтому завоевать доверие можно очень просто: обещать и выполнять.

Часто бывает, что ваш собеседник рассказывает о каких-то делах с оговоркой «не для печати». Рассказывает для того, чтобы лучше погрузить вас в контекст, помочь вам разобраться. Вы обещаете не публиковать эти пассажи, а потом берете и публикуете. Надо ли удивляться, что после этого с вами не захотят иметь дела.

Порядочность – это норма в журналистике, что бы вам ни говорили руководители желтых СМИ.

Второй вопрос – как удержат исследователя или ученого, который бросится заниматься стилистической и литературной правкой вашего текста, присланного на согласование, в соответствии со своим вкусом и представлениями о прекрасном. Студенты часто спрашивают меня, что говорить в таких случаях. На самом деле, в таких случаях надо очень спокойно, со всем уважением, но твердо объяснить: «Уважаемый Иван Иванович, вот вы занимаетесь ядерной физикой. Я же вам не даю никаких советов, как ставить эксперимент и как его интерпретировать, это ваша профессиональная область. Вот теперь представьте, что моя профессиональная область – это работа со словом, оставьте, пожалуйста, мои профессиональные обязанности мне и поправьте, пожалуйста, то, что противоречит сути и смыслу». Всегда нужно стараться объяснить ситуацию и быть честным. Но цитаты, принадлежащие ученым, необходимо согласовывать до буквы. Если они будут косноязычны и ученый будет настаивать на этом косноязычии, то с этим ничего не поделаешь – придется давать в таком виде. Под этими словами не ваша, а его подпись.

А вообще-то критику надо любить, она делает нас сильнее и позволяет расти в профессии. Поэтому всегда показывайте свои тексты коллегам, друзьям и близким. Они – ваши первые читатели, которые укажут на непонятные и мутные места, неточные слова и неудачные обороты. Из любой критики надо уметь извлекать пользу, это тоже часть нашей профессии.

— **А должны ли ученые развивать в себе какие-то коммуникативные навыки, чтобы улучшить общение с журналистами?**

— Развивать коммуникативные навыки полезно представителям любых профессий, особенно сейчас, когда неумение взаимодействовать и договариваться – глобальная мировая пробле-

ма. Оттого, что мы не понимаем и не слышим друг друга, да и не хотим понимать и слышать, много бед. История, что произошла с академией наук в последние два года, – результат нарушенной коммуникации. «Наверху» искренне не понимают, чем там академия наук занимается, а в академии наук не желают рассказывать, потому что уверены, что все равно бесполезно, «эти» ничего не поймут. Вот за это высокомерие академия наук и поплатилась. Это лишь один из множества примеров. Нарушенную коммуникацию мы наблюдаем в самых разных областях нашей жизни, поэтому развивать в себе коммуникативные навыки невероятно важно для человека любой профессии, а для ученого особенно.

Сегодня наука очень дорогая, содержать ее во всем великолепии и многообразии не под силу ни одному государству, ни одному правительству. Неслучайно самые крупные и значимые проекты в науке выполняют международные коллаборации ученых и государств, будь то Большой адронный коллайдер в ЦЕРНе (Европейский центр ядерных исследований, *CERN*) или коллаборации *LIGO* и *VIRGO*, занимающиеся фиксацией гравитационных волн. Уже ни одна страна в одиночку не может осваивать космос, потому что нужны бешеные деньги. Ни одна страна не может финансировать все научные исследования подряд, и всегда приходится выбирать, на что именно выделить деньги, какие области исследований отвечают национальным приоритетам. Поэтому ученым приходится убеждать и доказывать, что именно их лаборатория, их исследование необходимо для нашей страны в настоящий момент. А для этого надо обладать хорошими коммуникативными навыками.

Во всем мире в крупных университетах существуют кафедры *Science Communication*. Такие кафедры должны быть и у нас в стране, чтобы студент, приобретая любую профессию в этом университете, смог ухватить основы коммуникации на университетской скамье. Это чрезвычайно важно.

Не говоря уже о том, что наука жива преемственностью, каждый год она должна пополняться новыми кадрами, поэтому крайне важно постоянно рассказывать подросткам и молодым людям, что такое современная наука и почему она такая захватывающая и потрясающая. Я часто рассказываю студентам, как несколько лет назад с группой европейских научных журналистов побывала в ЦЕРНе на Большом адронном коллайдере. Экскурсию проводил заведующий лабораторией антиматерии, доктор физики, чудесный немец, к сожалению, уже забыла его имя, и он совершенное профессионально и очень понятно рассказал нам о ЦЕРНе и коллайдере. Я спросила у него, часто ли ему приходится проводить такие экскурсии? Он ответил, что раз в две недели. Каждые две недели этот заведующий лабораторией бросает все свои научные дела, чтобы провести экскурсию группе школьников, чиновников, учителей, журналистов, политиков. И хотя это его и раздражает, он понимает, что это очень нужно, поскольку обычные люди должны знать, на что расходуются огромные деньги, что в ЦЕРНе происходит и что могут современные физики.

— **Вы сказали про кафедру *Science Communication*. А чем она отличается от научной журналистики?**

— Смотрите, *Science Communication* – это более широкое понятие, чем просто научная журналистика. Это умение построить коммуникации между разными людьми и разными сообществами на почве науки. Скажем, будущему ученому, сегодняшнему студенту и аспиранту, надо приобретать навык выступать на семинарах, на конференциях, участвовать в дискуссиях. Этому надо учить, учить специфическим коммуникациям внутри научного сообщества. Есть более широкая коммуникация между разными областями науки, когда биологи должны понимать физиков, а физики – лириков. Здесь свои особенности и секреты и этому тоже надо учить, желательно – в университетах. Наконец, научным сообществам, ученым неизбежно придется взаимодействовать с обычным обществом.

А для этого надо уметь говорить и писать понятно, доходчиво, интересно, интригуяюще, уметь придумывать, организовывать и проводить самые разные необычные мероприятия. И этому надо учиться! А все вместе это и есть научные коммуникации.

В основе научных коммуникаций лежат тексты о науке, поэтому научная журналистика в каком-то смысле – фундамент, на котором строится здание научных коммуникаций. Слава Богу, 20 лет прошло и в научных организациях появились пресс-секретари, а Московский государственный университет начал выпускать новостную ленту о науке, так что *Science Communication* самозарождаются в наших университетах и институтах Академии наук, да и многие другие организации, имеющие отдаленное отношение к науке, разворачивают деятельность на этом гигантском поле. Но все начинается со слова, все начинается с текста. И это вот она – та самая научная журналистика.

– **Спрос на профессию научного журналиста сейчас растет? И как Вы считаете, какие карьерные возможности у человека, который хорошо пишет научные тексты?**

– Со спросом пока плохо. С одной стороны, в последние 5-7 лет мы действительно наблюдаем возрождение культуры популяризации науки, благодаря фонду «Династия» сформировался спрос на научно-популярную литературу, в том числе и российских авторов, появляются интересные научно-популярные сайты. Однако сказать, что растет спрос на отечественные научно-популярные журналы, не могу.

Бумажная периодика, к сожалению, сдает позицию под натиском электронных СМИ, и процесс этот объективный. К тому же СМИ – это история убыточная в подавляющем большинстве случаев, а электронные СМИ мы пока не умеем продавать. Поэтому на биржах труда вряд ли висят объявления «Требуется научные журналисты».

На самом деле в массовых и центральных газетах во все времена было всего два раздела о науке: космос и медицина.

Две темы интересовали человека всегда: откуда взялась жизнь, как она зародилась в космосе и как быть здоровым и жить долго. В эти два тематических раздела всегда запихивали новости о науке. Специально выделенных научных журналистов, как правило, в газетах нет. Очень часто это просто журналисты, пишущие об обществе, а заодно о вулканах, о гравитационных волнах, о клонировании, о нобелевских премиях и так далее. При этом они еще много чего другого пишут, что не имеет к науке никакого отношения. Поэтому о спросе на профессию научного журналиста в чистом, рафинированном виде говорить пока не приходится.

Но у меня есть ощущение и понимание, что сегодня катастрофически не хватает людей, умеющих хорошо писать о науке, которые могли бы стать лидерами отделов пиар крупных исследовательских институтов и технологических компаний, руководителями пресс-служб научных институтов и университетов. Нужны талантливые люди, владеющие пером и умеющие хорошо писать о науке, которые смогут создавать хорошие сценарии научных фильмов, необычных мероприятий, выставок, посвященных науке. Иными словами, научная журналистика сегодня востребована не в прямом, скажем так, виде. Поэтому научный журналист, получая базовую профессию журналиста, должен научиться делать еще и все это.

— **И в завершении разговора, могли бы Вы, основываясь на собственном опыте, пожелать что-нибудь или посоветовать начинающим научным журналистам?**

— Из собственного опыта? Много чего можно посоветовать. Вот лишь несколько рекомендаций. Молодой журналист очень часто попадает под обаяние ученого, магию его личности. Позвольте себе побыть в этом обаянии два часа, пока записываете интервью, а потом, когда вы сядете за компьютер, проверьте каждый факт, каждую дату, название, имя, потому что «великие» часто ошибаются. Обожайте, восхищайтесь, но проверяйте каждое слово, чтобы

этого великого не поставить в неловкое положение. И он будет благодарен вам.

Второй мой совет чрезвычайно важен. Если вы действительно хотите делать карьеру в нашей профессии, то всегда докапывайтесь до первоисточника. Это чудовищно, когда новость, созданная на основании третьего источника с перевранным смыслом, тиражируется и повторяется в гигантском количестве в СМИ. Электронные СМИ – отличный инструмент для распространения ложных знаний. Поэтому приучите себя докапываться до первоисточника. Первоисточник в науке – это научная статья или разговор с носителем научной информации. Доберитесь до первоисточника, до смысла, в нем заключенного, и вы будете удивлены, как часто в публикациях в СМИ этот смысл перевран и искажен. Поиск первоисточника – это необходимый навык, и это правило для журналиста.

Еще один очень важный навык – уметь концентрироваться. Невозможно создать хороший текст, если вам каждую секунду звонят. Современный человек отвлекается от своей работы из-за всех этих мессенджеров, смс, электронной почты в среднем каждые 11 минут. Это мировая статистика. Невозможно создать хороший текст в таких условиях. Только сосредоточившись, когда отключены все гаджеты, можно создать что-то путное. Нет другого способа. Просто примите на веру и начните так действовать. Чем быстрее вы этому научитесь, тем быстрее вы начнете продвигаться в профессии.

Научный журналист – это человек любознательный, человек, который хочет получить ответ на вопросы «почему?» и «как?», который видит эти вопросы. Наука всегда начинается с вопроса и журналистика тоже. Поэтому ищите вопросы, записывайте их, работайте с ними. А еще журналист должен уметь вычленять из потока информации нечто по какому-то признаку, быть чувствительным к новому. Поставьте перед собой задачу – каждый день узнавать что-то новое. Я живу по этому принципу 30 лет. Не было ни одного дня, когда я бы не узнала что-нибудь новое в широком смысле. Каждый вечер, ложась в кровать, мысленно прокрутите прошедший день

и отметьте, что нового вы узнали. И вы будете потрясены, как много нового несет вам каждый день. Как только вы понимаете, что ничего нового не узнали, вы уже не в профессии. Журналистика – профессия не для ленивых, она для любознательных, для пытливых, для азартных, для въедливых и дотошных, легких на подъем. Культивируйте в себе эти качества, и тогда вам будет уютно и комфортно в нашей профессии.

Борис Штерн – российский астрофизик и журналист, главный редактор и один из создателей газеты «Троицкий вариант», главный редактор и создатель научно-популярной газеты «Троицкий вариант – Наука» и научно-популярного сайта www.scientific.ru. Доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института ядерных исследований РАН и Астрокосмического центра ФИАН.

Автор цикла статей с анализом индекса цитируемости российских ученых («Независимая газета», 2002–2004).

— **Как Вы пришли в научную журналистику?**

— Я в нее не пришел, так будет неправильно сказать. Лучше выразиться так: я физик, занимающийся популяризацией науки. А еще я главный редактор газеты, в этом смысле меня можно назвать научным журналистом. Тем не менее, я остаюсь научным работником, но пишуем. Как я дошел до такой жизни – довольно долгая история. Когда-то в перестроечные времена казалось, что надо что-то делать, и мы с коллегами решили организовать городскую газету. Редакция кипела, все научные работники были тогда граждански активными. Мы учредили газету и выпускали ее какое-то время. Далее мы передали бразды правления другим людям, более профессиональным журналистам. Сами тоже ею занимались, но уже не на полную катушку. Потом уже в 2000-х годах тоже пошло какое-то кипение, заговорили о том, что наша наука должна как-то измениться, реформироваться. Я организовал сайт под названием *scientific.ru*, активно бурлящий форум, где были в основном ученые, но были и чиновники, в том числе Дмитрий Ливанов, и спорили о том, как надо организовывать науку. И вот во время этого бурления я кинул клич: «Ребята, надо делать газету». Идея понравилась многим, все довольно быстро организовали, и так получился «Троицкий вариант». На самом деле у меня нет никакой квалификации журналиста. Я просто знаю, что и как примерно надо писать о науке, делаю это и как-то пытаюсь руководить этим коллективом людей, в общем-то, таких же, как и я. Меня нельзя назвать научным журналистом, но то, чем я занимаюсь, близко к этому направлению, так скажем.

— **Каковы основные различия между научной журналистикой и другими тематическими видами журналистики?**

— Ну конечно, журналист должен иметь очень хороший бэкграунд в науке. И лучшие научные журналисты получаются из тех,

кто вначале изучал науку, нежели из тех, кто вначале изучал журналистику. От того, что часто пишут в газетах, волосы встают дыбом. Я вижу низкую квалификацию журналистов по научной части и боюсь, что в остальных областях то же самое. Есть, конечно, хорошие журналисты и мы все их знаем поименно, как правило. Наука – это первостепенное в научной журналистке, потому что предмет, о котором пишешь, нужно знать досконально, нужно изучать основы, иначе – очень тяжело.

Нужно понимать и чувствовать, что происходит. Поэтому на приличном уровне профессия научного журналиста становится достаточно тяжелой. Но все трудности преодолимы. Учиться, учиться и еще раз учиться. Другая трудность – это хаотичность информационного фона вокруг науки. Очень много низкокачественных пресс-релизов, в которых накапливаются ошибки и искажения, много мусора, много всякой «лажи». Нужно разобраться в этом мусоре и выбрать что-то стоящее и интересное, это сложно. И та самая проблема, о которой я говорил в самом начале, проблема хорошей грамотности. Вот это основные проблемы.

— Кому вообще нужна научная журналистика?

— Она нужна всем. Я думаю, даже телезрителю, сидящему перед экраном без особой мысли, она нужна, потому что она может формировать здравую картину мира. Даже человека, совершенно далекого от науки, она может научить отличать правильные суждения от неправильных, как ориентироваться в этом мире. Когда человек начинает понимать какие-то элементарные научные вещи, его сложнее одурачить, ему сложнее «промыть» мозги, потому что он сам формирует свои суждения. Вот в этом огромное значе-

ние научной журналистики. У нее основная миссия – просвещать. И самая главная часть этой миссии – приучать людей к тому, что существуют факты. Учить людей эти факты проверять, воспринимать и отличать ложь от истины. Это самая глубокая часть. Вообще мир наш интересен, если человека этим захватить, то через какое-то время будет уже другой человек. Самое лучшее, что может случиться с человеком, это когда он начинает думать. У научной журналистики в этом смысле есть преимущества.

— Как изменилась научная журналистика за последние 20 лет?

— В 90-е годы наука была, ученые иногда писали в популярные журналы, были отдельные люди, вроде журналистов, умеющих писать о науке, но отдельного понятия «научная журналистика» не было. Оно возникло, наверное, где-то в 2000-х. А сейчас видно, что научная журналистика развивается. В последние два года, мне кажется, это развитие еще и ускорилось. Уровень все равно пока еще низкий, но по сравнению с тем, что было, прогресс огромный.

— Какие проблемы у научной журналистики?

— Как всегда, проблема – кто будет платить за это? Это у начинающего научного журналиста. Научному журналисту не очень просто заработать деньги. Это первое. И вторая проблема – это низкий уровень образования. У большинства научных журналистов вот этого самого научного бэкграунда нет. Это личная проблема каждого конечно, но это и проблема в образовании. Где получить правильное образование вообще? Кажется, что приличные научные журналисты, как правило, окончили МГУ: физики, химики, биологи, а потом просто переквалифицировались. Есть конечно такие области в научной журналистике, для которых достаточно и школьного бэкграунда, и такой человек найдет себе хлеб. Но скажем, чтобы самостоятельно что-то написать или взять интервью, этого

не достаточно. Нужно по крайней мере знать, кому позвонить, что правильно спросить, понять ответы. Это требует приличного научного уровня.

— **Есть ли сегодня спрос на научных журналистов?**

— Да, и он постоянно растет. И если у нас здесь ничего страшного не случится, то он будет расти и дальше.

— **А какие карьерные возможности у научного журналиста, на Ваш взгляд?**

— Научная журналистика у нас пока что еще не на должном уровне, и человеку придется очень тяжело. Потому что с распространенными объятиями его мало кто будет ждать. Мне так кажется. Какие-то возможности есть и они расширяются, наиболее мобильные средства информации начинают интересоваться наукой и научные отделы в изданиях укрупняются. Видно, что растет престиж этого направления в разных СМИ, поэтому надежда есть. Говорить, что никуда не сунешься, уже нельзя, но все же тяжело.

— **С какими трудностями сталкивается научный журналист? И какими качествами он должен обладать для успеха в этой области?**

— Главная трудность начинающего научного журналиста заключается в том, что его отправят куда подальше при первой же попытке что-нибудь выяснить. Это самая распространенная трудность. Поэтому у научного журналиста должен быть хороший бэкграунд, чтобы обратиться к ученому, и тот почувствовал, что журналист в курсе хотя бы основ предмета. Нужно приобрести бэкграунд. Не обязательно обучаться по данной специальности, можно читать специализированную литературу, изучать публикации по теме, главное, нужно постоянно работать, чтобы понимать науку хотя бы поверхностно. Нужно понимать и чувствовать, что происходит. Поэтому на прилич-

ном уровне профессия научного журналиста становится достаточно тяжелой. Но все трудности преодолимы. Учиться, учиться и еще раз учиться. Другая трудность – это хаотичность информационного фона вокруг науки. Очень много низкокачественных пресс-релизов, в которых накапливаются ошибки и искажения, много мусора, много всякой «лажи». Нужно разобраться в этом мусоре и выбрать что-то стоящее и интересное, это сложно. И та самая проблема, о которой я говорил в самом начале, проблема грамотности. Вот это основные проблемы.

Общение журналиста с учеными. Проблема действительно есть и она состоит из двух частей. Первое – это общее недоверие к журналистам. Второе – проблема общего языка. Это неумение сформулировать вопрос и понять, что тебе ответили.

— **Что Вы можете сказать об особенностях общения с учеными?**

— Во-первых, надо грамотно формулировать вопросы. Это самое главное. Как не быть посланным с порога – это другой вопрос. Это наиболее вероятный исход, если незнакомый ученому журналист звонит и просит что-то рассказать. Тут как попадешь, есть добрые люди, а есть уже много раз обжегшиеся. Лучше всего «заходить» с помощью коллег, которые уже имеют контакты. Вот есть клуб научных журналистов, там люди уже имеют контакты, там можно кого-то спросить, войти в компанию. Они могут просто посоветовать, к кому обратиться, порекомендовать тебя. Проблема действительно есть и она состоит из двух частей. Первое – это общее недоверие к журналистам. Второе – проблема общего языка. Это неумение сформулировать вопрос и понять, что тебе ответили.

— **А нужно ли ученым развивать свои коммуникационные навыки?**

— Обязательно нужно. Но я бы скорее сказал, что ценно другое: когда ученый сам что-то рассказывает публике и сам пишет для публики. Это важно. Умение давать интервью тоже очень важно. Человек, умеющий давать интервью, может исправить ошибки и недопонимания журналиста. Это важнейшая вещь, вещь проблематичная, потому что я знаю всего лишь ученых 20 из моего круга, которые умеют общаться с журналистами и умеют писать. Это очень мало, конечно. Но я думаю, что с этим ничего не сделаешь. С этим надо смириться.

Основной совет начинающим научным журналистам – обзавестись записной книжкой с перечнем экспертов и стараться подружиться с этими экспертами, войти с ними в контакт. И все время, когда сам чего-то не понимаешь, обращаться к ним.

— **Какие советы Вы можете дать начинающим журналистам?**

— Основной совет – обзавестись записной книжкой с перечнем экспертов и как-то подружиться с этими экспертами, войти с ними в контакт. И все время, когда сам чего-то не понимаешь, к ним обращаться. Нужно знать, к кому обратиться, чтобы тот посоветовал, к кому обратиться еще. Вот так. Ну, грубо говоря, записная книжка с экспертами по различным областям науки. Это основное. Ну и еще раз повторяюсь, надо учить матчасть. Наверное, невозможно быть научным журналистом и хорошо разбираться во всех областях науки, нужно быть специалистом в какой-то более узкой сфере и быть хорошо информированным в ее рамках. Не обязательно решать уравнения, но по крайней мере нужно знать, что эти уравнения существуют.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Юрий Батурин	5
Андрей Ваганов	20
Владимир Губарев	32
Виола Егикова	49
Нодар Лахути	66
Любовь Стрельникова	77
Борис Штерн	91

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор *Е. Л. Вартанова*

7 ИНТЕРВЬЮ О НАУЧНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Составитель и научный редактор – *А. Н. Гуреева*

Редактор – *Л. Н. Крысенко*

Оформление обложки – *А. В. Баланцева*

Дизайн и верстка – *Е. Н. Сиротина*

Интервьюер – *В. С. Кузнецова*

Подписано в печать 05.10.2016. Формат 60х84/16.
Гарнитура «FranklinGothicBookCondC». Бумага офсетная.
Объем 5,81 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
факультета журналистика МГУ имени М. В. Ломоносова